

IV
A 164

2531

3441

A. 164

М. М. АБРАШКЕВИЧЪ,

Приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Угол. ЧП

ЭВОЛЮЦІЯ ИДЕИ

ПРЕСТУПЛЕНІИ И НАКАЗАНИИ.

751. К. ч. П.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ,

прочитанная 23-го марта 1903 года въ актовомъ залѣ Императорскаго Новороссійскаго Университета въ пользу Одесскаго Исправительнаго Пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ.

Цѣна 50 коп.

(въ пользу Одесскаго Исправительнаго Пріюта).

ОДЕССА.

«Экономическая» типографія, Почтовая, 43.
1903.

СП6ГУ

М. М. АБРАШКЕВИЧЪ,

Приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго Университета.

ЭВОЛЮЦІЯ ИДЕИ

○

ПРЕСТУПЛЕНІИ И НАКАЗАНИИ.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ,

прочитанная 23-го марта 1903 года въ актовомъ залѣ Императорскаго Новороссійскаго Университета въ пользу Одесскаго Исправительнаго Приюта для малолѣтнихъ преступниковъ.

Цѣна 50 коп.

(въ пользу Одесскаго Исправительнаго Приюта).

ОДЕССА.

«Экономическая» типографія, Почтовая, 43.

1903.

81.01+X 881.02

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго
Университета. Ректоръ *А. Н. Дервизукій.*

СПбДУ

I.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

По приглашенію Совѣта Одесскаго Общества Исправительныхъ Пріютовъ, движимый желаньемъ послужить высокосимпатичному дѣлу, рѣшился я выступить въ этомъ залѣ, гдѣ вы привыкли наслаждаться лекціями, полными таланта и блеска; преодолевая смущеніе, я почерпаю бодрость и силы въ томъ, что предметъ нашей бесѣды не имѣетъ отталкивающей физиономіи сухого узко-спеціального вопроса. Въ области права всегда найдется путь отъ ледяныхъ вершинъ отвлеченности къ бурному морю жизни; выхваченныя изъ его глубины, преступленіе и наказаніе — его порожденія, доступны общему наблюденію, общему пониманію, общему сужденію. Вѣчно юная, вѣчно глгучая карательная проблема способна возбуждать живѣйшее вниманіе далеко за предѣлами тѣснаго кружка спеціалистовъ. О ней много пишутъ, много читаютъ, еще больше говорятъ; спорятъ горячо, нерѣдко вкривь и вкось; здѣсь всякій выдвигаетъ собственное мнѣніе со смѣлостью, неслыханною въ другихъ отрасляхъ знанія. Во всемъ этомъ нужно видѣть, разумѣется, не унижительную профанацію науки уголовного права, а краснорѣчивое свидѣтельство объ ея важномъ многостороннемъ значеніи. Первичныя свѣдѣнія о ней вы принесли уже съ собой; мнѣ придется лишь обвести болѣе рельефно тѣ, быть можетъ, блѣд-

ные, расплывчатые контуры, которые начертались у васъ въ повседневной житейской суетѣ.

Вы читаете замысловатый криминальный романъ, просматриваете судебную практику, присутствуете въ судѣ на какомъ либо сенсационномъ процессѣ, — горе и страсти, нужда и корысть, пороки и несчастіе проходятъ предъ вами воплощенные въ живые образы. Какое волненіе ощущаете вы, какое подавляющее впечатлѣніе даже на посторонняго производить всё перипетіи жизненной драмы, вылившейся въ «уголовное дѣло»!... Все въ немъ полно интереса: вы всматриваетесь въ обстановку дѣйствія, въ его результаты, въ условія, окружающія героя, пытаетесь заглянуть въ его душу, прослѣдить борьбу альтруистическихъ и эгоистическихъ мотивовъ, завершившуюся побѣдою послѣднихъ... Этотъ моментъ проявленія личности, моментъ торжества зла въ натурѣ человѣка, послужилъ благодарною темой для многихъ гениальныхъ произведеній; его изображеніе и изслѣдованіе впили новые лавры въ неувидающіе вѣнки Шекспира, Шиллера, Виктора Гюго, Золя, Достоевскаго, Льва Толстого... Но попробуйте отвлечься отъ личности преступника, отъ разныхъ сплетеній житейскихъ подробностей, взгляните въ преступленіе, какъ таковое, — и вашимъ взорамъ откроется новый міръ, полный особаго, специфическаго интереса.

Что именно *преступляетъ* преступникъ? Уголовный законъ? — нѣтъ! нашъ законъ гласитъ: «за умышленное убійство отца или матери виновные подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія исылкѣ въ каторжную работу безъ срока» (ст. 1449 улож.); «за кражу предмета цѣною не свыше 300 руб. виновные подвергаются тюремному заключенію на время отъ 3 до 6 мѣсяцевъ» (ст. 169 улож.); «состоящее въ бракѣ, изблеченное въ прелюбодѣяніи лицо подвергается за сіе по жалобѣ оскорбленнаго въ чести своей супруга, заключенію въ монастырѣ, если въ томъ мѣстѣ находятся монастыри его исповѣданія, или же въ тюрьмѣ на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ» (ст. 1585 улож.). Совершая убійство, кражу, прелюбодѣяніе, преступникъ, какъ видно изъ текста закона, статей его вовсе не нарушаетъ, напротивъ, со своей стороны выполняетъ указанные въ нихъ условія, при которыхъ судъ можетъ приложить къ нему определенное наказаніе. Нарушить уголовный законъ можетъ лишь карающая власть, опредѣляя несогласно съ нимъ послѣдствія пре-

ступнаго дѣянiя. Преступникъ-же преступаетъ лежащiя въ основанiи закона правила: «не убей», «не укради», «не прелюбодѣйствуй». Кто ихъ придумалъ, кто провозгласилъ эти заповѣди? отвѣтъ найдемъ въ исторiи культуры.

Совмѣстная жизнь создаетъ разнообразныя интересы; они взаимно переплетаются, сталкиваются; среди нихъ отличаются такiе, въ удовлетворенiи коихъ лежитъ залогъ развитiя чело-вѣчества. Право, общая воля, стоящая надъ индивидуальной, беретъ ихъ подъ свою охрану, препятствуетъ ей наносить имъ вредъ или уклониться отъ содѣйствiя, необходимаго для ихъ процвѣтанiя. Повелѣвая совершенiе однихъ дѣянiй, воздержанiе отъ другихъ, право создаетъ отдѣльныя права и обязанности, которыя вмѣстѣ взятыя образуютъ правовой порядокъ, границу между свободой и произволомъ индивида. Эта граница не представляется неподвижной. Мѣнялись потребности людей, мѣнялось и отношенiе права къ ихъ интересамъ: однимъ оно отказывало въ дальнѣйшей поддержкѣ, другiе за novo принимало подъ свое покровительство; сообразно съ тѣмъ измѣнялись очертанiя правового порядка. Но отъ всякихъ произвольныхъ колебанiй со стороны частной воли право охраняетъ его силой — принужденiемъ. Принужденiе проявляется въ 3 главныхъ формахъ: 1) подчиненiе требованiямъ права; 2) возстановленiе поколебленнаго порядка; 3) наказанiе непокорныхъ: здѣсь эгоистическiя стремленiя индивида, идущiя въ разрѣзъ съ существующимъ строемъ, право пытается обуздать представленiемъ о невыгодности ихъ послѣдствiй. Последнiя мѣра выражаетъ усиленную защиту интересовъ, признанныхъ правомъ наиболѣе важными. Такъ, карается похищенiе чужого имущества, т. е. вещи, имѣющей рыночную цѣнность; нѣтъ рыночной цѣнности, нѣтъ наказанiя похитителю, какъ-бы ни былъ дорогъ похищенный предметъ самому владѣльцу, напримѣръ, локонь любимой особы. Мало того, не всякое нарушенiе такихъ интересовъ, а только наиболѣе опасныя способы нарушенiя влекутъ наказанiе виновника. Такъ, наказуемы лишь тѣ случаи мошенничества, когда потерпѣвшiй не могъ убѣречься отъ обмана обычными мѣрами предосторожности.

Итакъ, эти краткiя предписанiя въ формѣ запрещенiй: «не убей», «не укради», «не прелюбодѣйствуй» или повелѣнiй: «держи въ чистотѣ дворъ», «неси воинскую повинность» и т. д.,

—издаются правомъ; эти правила поведения во взаимныхъ отношеніяхъ людей называются правовыми нормами. Онѣ древни, какъ исторія народа, въ которомъ сложились и дѣйствуютъ; онѣ обязательны въ силу собственного авторитета; угроза наказаніемъ не есть ихъ необходимое предположеніе, а только категорическое въ особо важныхъ случаяхъ подтвержденіе ихъ обязательности. Ослушаніе всякой нормѣ—уже нарушеніе права; послушаніе нормѣ, вооруженной угрозой наказаніемъ,—преступленіе. Но преступить норму, понятіе отвлеченное, можно лишь въ ея реальномъ бытіи, въ ея жизненной конкретной обстановкѣ посредствомъ какого-либо внѣшняго проявленія противъ блага, ея ограждаемаго. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ слѣдующему опредѣленію: преступленіе есть посягательство на интересъ, охраняемый правомъ подѣ страхомъ наказанія. Какъ опредѣлить наказаніе? Уже изъ сказаннаго можно вывести слѣдующее: наказаніе есть принужденіе, примѣняемое правомъ въ защиту важнѣйшихъ интересовъ, заключающее въ себѣ порицаніе со стороны представителя правового порядка и страданіе для его нарушителя. Порицаніе наказующаго, страданіе наказуемаго и принужденіе, направляющееся отъ облеченнаго карательною властью къ подчиненному ей,—вотъ 3 основныхъ элемента наказанія; все остальное въ немъ имѣетъ лишь переходящее значеніе, представляетъ не сущность его, а только измѣнчивыя формы.

Преступленіе и его тѣнь — наказаніе появляются съ первыми людьми. Адамъ и Ева, сотворенные для райскаго блаженства, т. е. поставленные въ наилучшія условія жизни, не замедлили преступить заповѣдь Творца и Управителя вселенной, въ наказаніе были изгнаны изъ рая и обречены на смерть со всемъ потомствомъ. Отъ формальнаго нарушенія запрета—скачекъ къ кровавому злодѣянію: первый человѣкъ-звѣрь Каинъ обгагрятъ землю кровью своего брата — Авеля. Въ этихъ сказаніяхъ Библии можно отмѣтить идею вѣчности преступленія и наказанія, основанную на опытѣ всего человѣчества. Какъ-же обрисовываются эти явленія въ исторіи?

Говоря о преступномъ дѣяніи, какъ и о всякомъ другомъ, мы всегда имѣемъ въ виду 2 признака: 1) внутренній — волю его виновника и 2) внѣшній — дѣйствіе, ея произведенное, измѣненіе въ мірѣ физическихъ явленій. Наше время отводитъ

должное вниманіе обоимъ признакамъ. Мы всё знаемъ, что преступленіе можетъ быть совершенно только человѣкомъ и притомъ только сознательно и волимо. При своей кажущейся простотѣ, эта истина принадлежитъ къ числу сложныхъ понятій, не укладываемыхся цѣликомъ въ умъ первобытнаго дикаря; она—результатъ многовѣкового и многотруднаго развитія.

Внутренній, субъективный міръ со всѣми его особенностями и тонкостями недоступенъ нашему непосредственному наблюденію; онъ открывается во внѣшнихъ объективныхъ проявленіяхъ; они лишь даютъ возможность проникнуть въ его тайники и ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Весьма естественно, взоры первобытнаго человѣка прежде всего должны были остановиться на внѣшной оболочкѣ преступленія, на вредѣ, который оно причиняетъ. Представитель первобытной культуры, матеріалистъ по преимуществу, наиболѣе заинтересованъ матеріальными послѣдствіями совершеннаго надъ нимъ посягательства. Онъ изливаетъ свой гнѣвъ на все, что вызвало его неудовольствіе, не отличая своихъ ближнихъ отъ животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ; караетъ цѣлую группу за вину отдѣльныхъ ея членовъ; соизмѣряетъ наказаніе съ матеріальными послѣдствіями преступленія, независимо отъ воли, ихъ произведшей. Эти общезвѣстные факты послужили основаніемъ теоріи, утверждающей, что первобытный дикарь сосредоточивалъ все вниманіе на внѣшной сторонѣ преступленія и ничуть не задумывался о волѣ своего противника.

Это направленіе господствуетъ въ современной наукѣ; однако, мнѣ кажется, выставляя такое абсолютное положеніе, впадаютъ въ крайность. Дѣйствительно-ли такъ было въ древности? Обратимся къ ней, но прежде всего сдѣлаемъ оговорку: изслѣдуя какой-либо предметъ, нужно ясно установить предѣлы изслѣдованія; углубляясь въ сѣдую старину безъ всякой мѣры, мы въ концѣ концовъ наткнемся на вопросъ: а что было тогда, когда ничего не было? Для научныхъ положеній необходима болѣе твердая почва. Поэтому мы не пойдемъ дальше, чѣмъ хватаетъ свѣтъ исторіи.

Уже на зарѣ исторіи можно распознать проблески понятія субъективной виновности, просвѣчивающіе въ сознаніи человѣчества; только разъяснить и развить ихъ вначалѣ ему не подъя силу. Признаніе значенія за внутренней стороною преступленія

сказываются уже въ свойственномъ древности отождествленіи понятій грѣховнаго и преступнаго. Можно сказать больше: волевой моментъ не только не упускается изъ вида, напротивъ, его ищутъ повсюду, даже тамъ, гдѣ его нѣтъ въ дѣйствительности. Смутно самосознаніе бѣднаго дикаря, за предѣлами же собственнаго «я» теряется онъ окончательно, силясь растолковать все по аналогіи со своимъ тѣснымъ личнымъ міркомъ. Такъ возникъ антропоморфизмъ, такъ создано олицетвореніе древними явленій и силъ природы. Такъ свою волевою способность переносить человѣкъ и на животныхъ и на предметы неодушевленные; расточая на нихъ свои кары, дикарь не человѣка низводитъ на степень безвольныхъ объектовъ, наоборотъ, ихъ возвышаетъ на человѣческой уровень. Какъ ребенокъ, ударившись о стулъ, бьетъ его съ увѣренностію, что стулъ по злобѣ причинилъ ему боль, такъ точно, по тѣмъ-же соображеніямъ, все человѣчество на низшей ступени развитія творитъ расправу надъ всѣмъ окружающимъ. Ксерксъ повелѣлъ бичевать море, потопившее его корабли, такъ какъ заподозрѣлъ его въ симпатіяхъ къ грекамъ. Законы Моисея предписывали побивать камнями быка, забодавшего человѣка, и мясо казненнаго животнаго объявляли нечистымъ; какъ разъяснили ученые талмудисты, этой казни должно предшествовать правильное отправленіе суда. Позаимствовавъ съ принятіемъ христіанства и моисеево право, западно-европейскіе народы слѣдовали этимъ образцамъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Документально констатированные суды надъ животными, съ соблюденіемъ общаго процессуальнаго порядка: съ предварительнымъ содержаніемъ обвиняемаго подъ стражей, съ блестящими рѣчами прокуроровъ и адвокатовъ, съ глубокомысленными приговорами судей, въ передовой Франціи дожили до начала XVIII вѣка. Практика была чрезвычайно обильна; выработалось даже различіе подсудности свѣтской и духовной: при невозможности предать виновника въ руки свѣтскаго палача, прибѣгали къ мечу духовному: саранча, истреблявшая посѣвы, мыши, опустошавшія житницы, по жалобамъ потерпѣвшихъ, по приговорамъ духовныхъ трибуналовъ неукоснительно отлучались отъ церкви!... На помощь практикамъ спѣшили ученые съ обширными трактатами, излагавшими подробно порядокъ процессовъ надъ животными; таковъ, на примѣръ, трудъ «доктора обоихъ правъ» Шассанеуса: «De excommunicatione

insectorum» 1588 года. Взгромождая нелѣпость надъ нелѣпостью, приписывали наравнѣ съ людьми и представителямъ безсловеснаго царства способность къ колдовству и чародѣйству. Такъ, въ 1474 году въ г. Базелѣ заподозрили пѣтуха въ томъ, будто-бы онъ снесъ яйцо; нашлись свидѣтели, удостовѣрившіе это событіе; въ немъ усмотрѣли преступную связь пѣтуха съ дьяволомъ; несчастный былъ судимъ; осужденъ и торжественно сожженъ на кострѣ. Къ чести здраваго русскаго смысла, у насъ нѣтъ точныхъ указаній ни на одинъ процессъ, гдѣ-бы въ качествѣ обвиняемыхъ фигурировали животныя. Эти процессы на западѣ, относящіеся къ той эпохѣ, когда судьи уже во всѣхъ направле-ніяхъ копались въ душѣ преступника, совершенно опровергаютъ мысль, будто-бы карательная дѣятельность дикаря обусловливалась отсутствіемъ идеи субъективной виновности; онъ только не умѣлъ правильно примѣнить ее. То-же самое можно сказать и объ отношеніи къ душевно-больнымъ. Человѣчество давно сознало, что въ ихъ душѣ есть что-то ненормальное, но не могло объяснить эту особенность иначе, какъ сверхъестественной силой. Ихъ признали одержимыми нечистымъ духомъ, «бѣноватыми» и подвергли усиленнымъ гоненьямъ. Ихъ заключали въ оковы, бросали въ подземелья, казнили смертью и не только ради предупрежденія ихъ новыхъ посягательствъ, но и въ воздаяніе за нанесенный уже вредъ. Много воды утекло, много погибло жертвъ людскаго недомыслія, пока человѣчество переросло своихъ умалишенныхъ членовъ, смогло взглянуть на нихъ сверху внизъ, спокойно, внимательно; тогда лишь оно разсмотрѣло, что предъ нимъ не равные бойцы, и не демоны, и не звѣри, а глубоко несчастные люди, достойные не злобы и мести, а сожалѣнія и попеченія.

Далѣе, исторія свидѣтельствуетъ, что древніе наказывали цѣлыя группы за вину кого-либо изъ входящихъ въ ихъ составъ. Пережитокъ такого порядка до сихъ поръ сохранился въ нашемъ уложеніи (ст. 530): при укрывательствѣ еврея-дезертира законъ подвергаетъ взысканію не только уличеннаго укрывателя, но все еврейское общество, въ которомъ проживалъ бѣглый. Чѣмъ объяснить такое явленіе? отсутствіемъ понятія о субъективной виновности? конечно, нѣтъ. Значеніе внутренней стороны здѣсь не отрицается и даже не умаляется. Но здѣсь сказывается увѣренность, что одна преступная воля объединяла

всѣхъ земляковъ дезертира; не взявъ на себя труда провѣрить наличность такой воли въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, рубятъ по всѣмъ съ плеча. Современное уголовное право воспрещаетъ пользоваться предположеніями въ замѣнъ фактовъ, устанавливающихъ виновность, воспрещаетъ въ интересахъ какъ обвиняемаго, такъ и цѣлесообразности охраны правового порядка. При наказуемости общины за вину ея отдѣльныхъ членовъ вся суть лежитъ именно въ несоблюденіи этого принципа, весьма простительномъ для дикаря и не менѣе прискорбномъ для нашего закона.

Наконецъ, указываютъ, что древніе опредѣляли тяжесть преступленія по его матеріальнымъ послѣдствіямъ. Разумѣется, его внѣшняя, объективная сторона представляется мѣриломъ наиболѣе нагляднымъ и простымъ. Но уже изъ отдаленныхъ временъ доходятъ указанія, что отводилось мѣстечко и вліянію внутренней, субъективной стороны. Такъ, нашъ древнѣйшій юридическій памятникъ, «Русская Правда» рассматриваетъ гораздо снисходительнѣе убійство «на пиру», въ «свадѣ», т. е. въ ссорѣ, подъ вліяніемъ опьяненія, раздраженія, чѣмъ убійство «въ разбоѣ», — холодное, съ корыстной цѣлью (ст. 3, 4 по Троицк. списку); кража домашнихъ животныхъ съ поля признается менѣе преступной, чѣмъ изъ клѣтѣ (ст. 38 и 39 по Карамзинск. списку), такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ злая воля обнаруживаетъ больше упорства: вору приходится преодолѣть рядъ препятствій: проникнуть въ закрытое помѣщеніе, быть можетъ, взломать запоры и т. д. Безспорно, полное, ясное обсужденіе внутренней, субъективной стороны преступленія требуетъ средствъ, которыхъ нѣтъ въ распоряженіи младенческаго народа, которыя вырабатываются и совершенствуются съ поступательнымъ движеніемъ цивилизаціи. Грубыя приемы не только первобытныхъ людей, но и нашихъ ближайшихъ предшественниковъ; быть можетъ, и современная система окажется не лучше въ глазахъ, послѣдующихъ поколѣній. Такъ, до сихъ поръ законодательство не отвело подходящаго мѣста мотиву преступленія; и теперь наша каторга готова поглотить одинаково Раскольниковъ и Малышева, Отелло и Джека Потрошителя, самоотверженную, великую Шарлотту Корде и знаменитую «фабрикантшу ангеловъ» Скублинскую. Но несовершенное приведеніе идеи не даетъ еще права отрицать самый зародышъ ея. А потому можно сказать

съ увѣренностію: не было народа, не было эпохи, которымъ была-бы совершенно чужда идея субъективной виновности.

Недоступность души человѣка для свободнаго, широкаго изслѣдованія, а отсюда недостаточная оцѣнка преступной воли, преобладающее значеніе объективной стороны преступленія порождаютъ и другую особенность древности: взглядъ на преступленіе, какъ на чисто частное отношеніе между его виновникомъ и жертвой, не представляющее никакого общественнаго интереса. Матеріальный вредъ, причиняемый преступленіемъ, прежде всего своею тяжестью обрушивается на самого пострадавшаго; другіе ея не ощущаютъ. Субъективизмъ дикаря, крайняя узкость его кругозора не позволяютъ пуститься въ обобщенія; нѣтъ еще объективной идеи права и неправды, есть лишь субъективное ощущеніе обиды. Лишь путемъ долгаго и горькаго опыта, проанализировавъ составъ преступленія, человѣчество пришло къ сознанію, что преступникъ задѣваетъ не только непосредственно потерпѣвшаго, страшнѣе не ему одному, но и во всемъ окружающимъ; что опасность его кроется въ томъ настроеніи, которое побуждаетъ его нарушать права ближнихъ ради удовлетворенія собственныхъ вождельній. Всего легче подмѣтить общепасность преступленій противъ собственности: намѣреніе вора направляется на обогащеніе чужимъ имуществомъ вообще, кто хозяинъ,—ему безразлично. Вотъ и общество прежде всего воспріянуло для совмѣстной борьбы съ посягательствами имущественными. Иное дѣло — преступленія личныя: обыкновенно они направляются именно на опредѣленную личность, по особымъ отношеніямъ къ ней; ей и предоставляется самой посчитаться съ противникомъ. Вотъ почему въ древности кража признается болѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ убійство. Безучастное отношеніе общества къ личнымъ посягательствамъ длится очень долго. Дальнѣйшій прогрессъ заключался въ уразумѣніи, что подколовшій сегодня Ивана, изувѣчившій Петра, способенъ, пожалуй, завтра продѣлать то-же самое съ Семеномъ или Степаномъ. Общепасность преступника отмѣчается при всѣхъ преступленіяхъ, всѣ они получаютъ общественное значеніе, подвергаются преслѣдованію во имя и отъ имени общества. Вотъ тогда центръ тяжести при оцѣнкѣ преступленія сталъ перемѣщаться съ внѣшней стороны на внутреннюю. Тогда только началось ея внимательное упор-

ное изученіе. Трудомъ многихъ поколѣній воздвигалось понятіе вмѣняемости; выработалось разграниченіе дѣяній умысленныхъ, неосторожныхъ и случайныхъ; установилось различіе оттѣнковъ умысла и неосторожности, а въ послѣднее время съ особенной силой выдвигается значеніе мотива преступной дѣятельности. Объективная сторона тоже не была забыта. Право заботится объ установленіи причинной связи между нею и волей преступника, различаетъ отдѣльныя стадіи проявленія этой воли во виѣ: обнаруженія умысла, приготовленіе, разные виды покушенія, совершеніе. Однако субъективный моментъ теперь несомнѣнно преобладаетъ надъ объективнымъ: такъ, по нашимъ законамъ, совсѣмъ безрезультатное покушеніе на предумышленное убійство (ст. 9 и 1454 улож.) влечетъ ссылку въ каторгу, а наказаніе за неосторожное причиненіе смерти (ст. 1468 улож.) можетъ ограничиться строгимъ выговоромъ въ присутствіи суда. На субъективномъ моментѣ создались и создаются всѣ новѣйшія реформы; къ нему приковано нынѣ почти все вниманіе специалистовъ, господство его обезпечено въ будущемъ... Не заглядывая пока впередъ, я попрошу васъ обратить вновь свои взоры къ прошлому, чтобы прослѣдить историческія судьбы наказанія.

«Прежде чѣмъ въ человѣкѣ блеснула первая искра уразумѣнія, почему и для чего существуетъ наказаніе», замѣчаетъ проф. Кистяковскій («Элементарный учебникъ угол. права», 1882 г., стр. 764): «оно давно уже существовало и дѣйствовало. Слѣдовательно, оно есть плодъ присущихъ человѣку первобытныхъ свойствъ, а не изобрѣтено путемъ философской мысли; оно вызвано къ жизни самыми элементарными, самыми первичными потребностями и цѣлями человеческой природы. Всѣ онѣ сводятся къ одному общему могучему стремленію, вложенному изначала во все живущее: къ инстинкту самосохраненія. Имъ объясняется всякая реакція на вредоносныя дѣйствія. Такъ, онъ вызываетъ закрытіе или миганіе глазъ предъ движеніемъ, грозящимъ ихъ неприкосновенности; вотъ — первичная форма нашей реакціи съ чисто машинальнымъ характеромъ, реакція наиболѣе пассивной. Тотъ-же инстинктъ можетъ выразиться болѣе активно, въ рефлекторномъ движеніи, направленномъ непосредственно на предметъ, вызвавшій ощущеніе боли или страха; такъ, мы стремительно отталкиваемъ наступившаго на

нашу ногу или только покачнувшегося въ нашу сторону. Движеніе можетъ произойти съ неуловимой быстротой, не передавшись сознанію. Но поднимемся еще на одну ступеньку и мы встрѣтимъ уже реакцію, освѣщенную участіемъ разума, соединенную съ представленіемъ о намѣченной цѣли. Воздѣйствіе на вредоносный фактъ въ видѣ сознательной отплаты зломъ за зло, чтобы устрашить врага и тѣмъ предохранить себя отъ него въ будущемъ представляетъ намъ месть, прообразъ наказанія.

Первобытній мститель мало задумывался о причинахъ и дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ понесеннаго вреда, всего меньше—о соразмѣреніи съ нимъ своей реакціи. Въ періодъ господства частной мести, въ I періодъ карательнаго права, душа мстителя охвачена однимъ желаніемъ: отплатить противнику, какъ только можно, истребить его или по крайней мѣрѣ устрашить. Здѣсь почти всякая обида влечетъ смерть виновнаго; здѣсь насильственная смерть—такое нормальное явленіе, что естественная кажется аномаліей; именно въ ея объясненіе, по чрезвычайно смѣлому и остроумному предположенію французскаго ученаго Тарда («Philosophie pénale», 1892 г., стр. 533—4) сложилась легенда о первородномъ грѣхѣ Адама и Евы: по библейскому преданію они были сотворены безсмертными, и смерть явилась лишь наказаніемъ за ихъ грѣхъ; и это наказаніе въ полной гармоніи со взглядомъ той эпохи, должно было охватить и самихъ прародителей и все ихъ потомство; такимъ образомъ, представители той эпохи, привыкнувъ, что жизнь постоянно прерывается рукою мстителя, идею о смерти неразрывно связали съ идеей о преступленіи и наказаніи. Жизнь не застываетъ въ своихъ очертаніяхъ. Описанный порядокъ уступаетъ мѣсто новому подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ. Не ограничиваясь заботами объ одномъ лишь «сегодня», люди начинаютъ думать и о завтрашнемъ днѣ, научаются запасать силы и средства на будущее время, dorостають до понятія собственности. Тогда они постигаютъ, что изъ побѣжденнаго противника можно извлекать различныя матеріальныя выгоды; преемникъ того первобытнаго дикаря, который безъ дальнѣйшихъ размышленій увѣчилъ, убивалъ, иногда съѣдалъ обидчика, практикуетъ уже и другія мѣры: захватываетъ врага въ плѣнъ, обращаетъ въ рабство, грабитъ его имущество. Такъ было въ младенчествѣ чловѣческаго рода, когда импульсы не знали

границъ; но исторія цивилизаціи — исторія ихъ постепеннаго подчиненія господству разсудка. По избитому выраженію Аристотеля, «человѣкъ—животное общественное», а безграничная месть непримирима ни съ какимъ общественнымъ строемъ. Она регулируется мало по малу требованіями обычая, соразмѣряется съ преступленіемъ, становится воздаяніемъ равнымъ за равное по правилу: око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь! Этотъ принципъ при всей своей грубости — огромный шагъ впередъ отъ безграничнаго господства частной мести, стремившейся за одно око вырвать у обидчика оба, за одинъ зубъ выбить побольше зубовъ, за каплю крови пролить ручьи ея. Новое начало изымлетъ виновнаго отъ необузданнаго произвола мстителя, ставитъ ему извѣстныя преграды. Отнятіе имущества въ видѣ наказанія также соизмѣряется съ тяжестью преступления. Этотъ способъ удовлетворенія обиженнаго, по свидѣтельству юридическихъ памятниковъ древности, проникаетъ сначала, какъ суррогатъ частной мести, лишь въ исключительныхъ случаяхъ: при явкѣ обидчика съ повинной, съ просьбой принять отъ него часть имущества въ искупленіе вреда, причиненнаго жертвѣ.

Система выкуповъ дѣлаетъ быстрые успѣхи: только что народившаяся частная собственность цѣнится очень высоко, едва ли не выше самой личности; умноженіе богатства становится предметомъ усердныхъ заботъ; потребность въ кровавой расплатѣ ослабѣваетъ по мѣрѣ смягченія нравовъ и упорядоченія общественныхъ отношеній. Насадителемъ новыхъ порядковъ явился родъ, та ячейка, изъ которой развились по двумъ противоположнымъ направленіямъ и болѣе узкій кругъ семьи и болѣе широкій—государства. Родъ принялъ на себя роль посредника въ разногласіяхъ, возникавшихъ между его членами, и защитника—при посягательствахъ на нихъ со стороны чужаковъ; тутъ борьба единицъ переходитъ въ борьбу цѣлыхъ союзовъ. Въ видахъ взаимной защиты и совмѣстнаго нападенія соплеменные роды объединились въ государство. Поглотивъ ихъ въ себѣ, оно восприняло относительно вошедшихъ въ составъ его индивидовъ обязанности какъ защитника, такъ и миротворца, лежавшія прежде на отдѣльныхъ родахъ. Заставъ въ полномъ расцвѣтѣ систему выкуповъ, государственная власть на первыхъ порахъ не отмѣняетъ ея, а только видоизмѣняетъ: раздѣляетъ выкупы на 2 части: одну оставляетъ въ распоряженіи

пострадавшего отъ преступленія, другую удерживаетъ для себя, какъ плату за посредничество, за отправленіе суда. Уголовные кодексы того времени представляютъ настоящіе преісъ-курранты; въ нихъ точно обозначается, что стбитъ жизнь человѣческая, выбитый глазъ, сломанная рука, отрубленный палецъ и т. д.; наблюдается стремленіе, какъ можно точнѣе соразмѣрить наказаніе съ преступленіемъ; такъ, предусматривая, какъ особый видъ оскорбленія женской чести, поднятіе подола обиженной, законъ строить цѣлую лѣстницу, повышая денежную пеню соразмѣрно съ тѣмъ, какъ высоко поднялъ это платье обидчикъ. Таковъ II періодъ карательнаго права, періодъ составныхъ выкуповъ или, какъ принято называть, — композицій.

Процессъ сплоченія общества въ своемъ движеніи равномерно-ускорительномъ неудержимо влететь къ тому, что индивидуальный интересъ мести постепенно ступшевывается передъ общественнымъ интересомъ во внутреннемъ мирѣ, спокойствіи и порядкѣ. Часть выкупа, поступающая въ пользу обиженнаго, умалется въ своемъ значеніи и въ концѣ концовъ нисходитъ до простаго вознагражденія за понесенные вредъ и убытки; напротивъ, вторая часть, взимаемая носителями государственной власти, возникшая именно ради обезпеченія общества отъ неурядицъ, порождаемыхъ преступленіями, преобразуется въ такія мѣры, которыя государство признаетъ наиболѣ пригодными для поддержанія порядка, развивается въ цѣлую систему наказаній, налагаемыхъ уже отъ имени государства и въ его интересахъ; карательное право вступаетъ въ новую фазу: открывается нынѣшній III періодъ—государственныхъ наказаній. Организація ихъ опредѣляется по всей совокупности реальныхъ условій государственной жизни, непрерывно измѣняясь по времени и по мѣсту. При сложеніи государства, параллельно съ этимъ процессомъ интеграціи, идетъ другой — дифференціаціи: разложеніе общиннаго строя. Исчезновеніе круговой помощи, связывавшей членовъ общины воедино, служившей оплотомъ общественной безопасности, отразилось роковымъ образомъ въ соціальной жизни; повсюду расплодилось шайки бездомныхъ бродягъ, промышлявшихъ темными дѣлами, державшихъ въ осадѣ нерѣдко значительные города. Государство, не успѣвшее еще окрѣпнуть, прибѣгаетъ къ крайнимъ мѣрамъ

отчаянной обороны: взамѣнъ денежныхъ штрафовъ, которые были неприложимы къ лицамъ, лишеннымъ имущества и мало устрашительны для остальныхъ, оно вводитъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ казни, направленные на жизнь и тѣлесную неприкосновенность враговъ создаемаго порядка. Въ одномъ крохотномъ Нюренбергѣ въ періодъ отъ 1501 до 1525 года казнено смертию около 1200 человекъ, въ Англіи за одно царствованіе Генриха VII повѣшено 72000 бродягъ!... Государственная власть пьнѣетъ отъ этихъ потоковъ крови и продолжаетъ лить ихъ безъ всякой мѣры и даже нерѣдко безъ всякой надобности. Уголовный кодексъ Карла V грозилъ смертию при 44 видахъ преступленій, французское дореволюціонное законодательство—въ 115 статьяхъ, но пальма первенства осталась за Англіей: она знаетъ эпохи, когда эта кара примѣнялась въ 240 случаяхъ, и еще въ XVIII вѣкѣ ихъ насчитывалось 160!... Русскому народу смертная казнь была противна; даже татары не успѣли привить вкусъ къ ней; въ нашемъ законодательствѣ до первыхъ царей о смертной казни упоминается очень рѣдко; но затѣмъ подъ сильнымъ иноземнымъ вліяніемъ ей открывается широкой просторъ. Такъ, въ Уложениі «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича угроза смертию, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Византии, встрѣчается 60 разъ; въ Воинскихъ Уставахъ Петра Великаго, скопированныхъ съ западныхъ образцовъ,—200 разъ!... Повсемѣстно обильную пищу смертной казни доставляли государственные перевороты: одна Великая Революція стоила Франціи 19000 казненныхъ головъ! Но всего болѣе въ западной Европѣ упрочили драконовскую славу уголовной юстиціи религіозныя преслѣдованія. Кому неизвѣстны поголовное истребленіе Альбигойцевъ, страшная рѣзня гугенотовъ во Франціи, католиковъ—въ Англіи, звѣрства Св. Инквизиціи въ Испаніи, Голландіи? Не было страны, которая-бы не запятнала себя жестокими гоненьями тѣхъ, кто дерзалъ мыслить о Богѣ не такъ, какъ господствующая церковь... «Ecclesia abhorret sanguinem» бормочать новѣйшіе фарисеи, а кругомъ... сотни тысячъ осужденныхъ посылаются на костры «ad maiorem gloriam Dei»!... Ихъ кровавое зарево бросаетъ зловѣщую тѣнь на все уголки этой мрачной эпохи... Въ Россіи, къ великому огорченію такихъ іерарховъ, какъ Геннадій Новгородскій, великіе князья не проявляли особенной ревности въ пре-

слѣдованіи еретиковъ ; государственная власть стала вмѣшиваться въ религиозные споры лишь съ возникновеніемъ раскола, принявшаго характеръ политическаго движенія ; съ тѣхъ поръ усвоила она взглядъ на противниковъ православія, какъ на враговъ государственнаго порядка, и по историческимъ судьбамъ нашего отечества и по сіе время осталась при этомъ взглядѣ. Младшимъ братомъ смертной казни и ея дѣятельнымъ пособникомъ выступаетъ тѣлесное наказаніе въ различныхъ формахъ въ зависимости отъ различія преслѣдуемыхъ имъ цѣлей : посрамленія, причиненія боли, изувѣченія. Съ теченіемъ времени возникаютъ и другія кары : лишеніе свободы, пораженіе чести и правъ, возвращаются къ жизни имущественныя взыскапія. Впрочемъ, не говоря уже о послѣднихъ, всѣ эти мѣры не были результатомъ совершенно оригинальнаго творчества государственной власти ; она только усовершенствовала способы, созданные еще первобытной культурой. Не довольствуясь простыми, грубыми, случайными орудіями истребленія или изувѣченія своихъ враговъ, государство затратило не мало труда и таланта на изданіе болѣе или менѣе мудреныхъ приспособленій. Дикарь, предоставленный собственнымъ силамъ и усмотрѣнію, вѣшалъ обидчика на первомъ попавшемся деревѣ ; государство стало устраивать спеціальныя сооруженія : висѣлицы, а въ эпоху Великой Революціи французскій врачъ Гильотень обезсмертилъ свое имя изобрѣтеніемъ цѣлаго механизма : гильотины, на которой и самъ сложилъ свою голову. Преніе случаи захвата противника въ плѣнъ или въ рабство смѣнились разными видами лишенія свободы. Родъ, недовольный своимъ сочленомъ, подвергалъ его позору или вовсе извергалъ изъ союза, лишая своего покровительства и защиты ; государство обратилось къ пораженію чести и правъ преступника. На протяженіи всей исторіи наблюдаемъ такое неизмѣнное явленіе : наказаніе всегда избираетъ своимъ предметомъ отнятіе какого-либо существеннаго блага наказуемаго. Чѣмъ грубѣе общество, чѣмъ ниже уровень его культурности, тѣмъ уже объемъ такихъ благъ ; тамъ, гдѣ нѣтъ собственности, гдѣ нѣтъ понятія о гражданскихъ правахъ личности, гдѣ достоинствомъ чловѣка остается лишь то, съ чѣмъ появляется онъ на свѣтѣ : его физическая личность, — тамъ вся карательная дѣятельность обрушивается на это единственное благо чловѣка. Если на извѣстной ступѣ

пени цивилизаціи въ обществѣ происходитъ рѣзкій расколъ, и на ряду съ полноправными или даже съ самоуправными членами его находятся совершенно безправые, — тамъ наказаніе рѣзко различается по принадлежности наказуемаго къ той или другой общественной группѣ. Такъ, черни отказано во всѣхъ правахъ, даже въ человѣческомъ достоинствѣ, но у всякаго существа есть тѣло; и вотъ имъ или своею горькою жизнью расплачиваются за всѣ свои прегрѣшенія обездоленные пасынки судьбы, а отвѣтственность знати опредѣляется совсѣмъ по иному масштабу.

Медленно движется процессъ уравниванія всѣхъ предъ закономъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и смягченія карательной системы, движется подъ давленіемъ 2 различныхъ силъ. Съ одной стороны, возрастающее могущество государственной власти идетъ въ ущербъ привилегіямъ высшихъ слоевъ общества; тѣ когти, которые первоначально держали только рабовъ протянулись впередъ и завладѣли свободными, не взирая даже на высоту ихъ ранговъ; всѣмъ пришлось отвѣдать жестокость наказанія. Съ другой стороны, укрѣпленіе государственной власти дѣлаетъ излишними крайнія свирѣпыя мѣры, которыми она старалась поддержать общественное благоустройство и безопасность. Наказаніе, превышая предѣлы необходимости, становится нестерпимой несправедливостью. Общество какъ-бы выростаетъ изъ принаровленныхъ къ нему каръ. Личность задыхается въ тискахъ устарѣвшей системы. Сначала слышатся одинокіе, робкіе протесты; затѣмъ слабые, разрозненные голоса крѣпнутъ, сливаются въ общій могучій, негодующій хоръ просвѣтительнаго движенія конца XVIII вѣка, въ славную эпоху Вольтера, Монтескье, Руссо, энциклопедистовъ, Беккарія... Ихъ вдохновенная проповѣдь громкимъ эхомъ пронеслась и по отдаленной, необъятной Россіи въ знаменитомъ «Наказѣ» Екатерины... Сила обобщающей мысли свершила свое дѣло: благородныя побужденія и стремленія передовыхъ умовъ стали достояніемъ массы. Не доктринерскія разсужденія, не утопическія бредни, а могучее политическое и экономическое движеніе охватило вихремъ Западную Европу, смело обветшавыя учрежденія и насадило новые порядки. Исчезли рабы, въ которыхъ Римляне видѣли только земледѣльческія орудія, одаренныя человѣческой рѣчью, которыхъ западные феодалы и еще такъ недавно наши крѣпост-

ники примѣнявали на лошадей и собакъ; и нисше классы приобщились къ государственной жизни экономической, политической и моральной. Человѣческая личность получила признаніе, какъ таковая, независимо отъ ея общественнаго положенія. Признаются права и за преступникомъ.

Начало законности, выдвинутое духомъ времени, нашло надежную опору въ области уголовно-правовыхъ отношеній. Предварительное опредѣленіе наказанія, какъ мы видѣли, разбивается уголовный законъ на двѣ части: въ первой описываются обстоятельства, обуславливающія наказаніе, опредѣленное во второй части: нѣтъ преступленія, нѣтъ наказанія помимо уголовного закона. Въ уголовномъ законѣ, такимъ образомъ, заложено самоограниченіе карательной власти; онъ охраняетъ права не только общества, въ частности непосредственной жертвы преступленія, но также и самого правонарушителя. Уголовный кодексъ, въ этомъ смыслѣ, — «Великая Хартія Вольностей» преступника. Другое не менѣе важное ограниченіе и притомъ не только для органовъ судебныхъ и исполнительныхъ, но также и для самого законодателя коренится въ условіяхъ не юридическихъ, а социальнo-экономическихъ. Теоретически вполне мыслимъ такой государственный порядокъ, въ которомъ всякое отступленіе отъ права обложено уголовной карой. Но по мѣткому выраженію лейпцигскаго профессора Биндинга («*Normen*», т. I, стр. 173), «наказаніе есть мечъ безъ рукоятки, поражающій и того кто имъ пользуется». Карательная дѣятельность поглощающая не мало соковъ государства, представляетъ для него весьма чувствительное бремя. Уже потому примѣненіе наказанія должно ограничиться предѣлами крайней необходимости и протекать въ соотвѣтствіи съ намѣченными цѣлями. Онѣ-же различаются, смотря по свойствамъ наказуемаго. Въ общей массѣ правонарушителей жизни выдѣлила слѣдующія группы: 1) преступники случайные, оказавшіеся на преступномъ пути не вслѣдствіе нравственной испорченности, а по неблагоприятному стеченію обстоятельствъ; 2) воспринявшіе уже привычку къ преступной дѣятельности, но еще подающіе надежду на исправленіе; 3) наконецъ, неисправимые, навсегда протившіеся съ честной жизнью, окончательно избравшіе своимъ ремесломъ злодѣянія, — элементъ самый опасный, ядро несмѣтной арміи враговъ общественнаго

порядка. Для случайныхъ преступниковъ спасительное дѣйствіе наказанія заключается въ его устрашающемъ впечатлѣніи, способномъ предостеречь ихъ отъ повторенія преступленій; лицъ второй категоріи уже должно и еще можно исправить; преступниковъ-же неисправимыхъ остается лишь изолированіе отъ общества въ огражденіе его отъ ихъ посягательствъ. Изъ всѣхъ карательныхъ мѣръ наиболее пригодной для осуществленія разнообразныхъ карательныхъ цѣлей, въ особенности для исправленія преступника оказывается лишеніе свободы; оттѣсня на задній планъ всѣ остальные виды наказаній, тюрьма завоевываетъ преобладающее значеніе. Но что представляли собой старинныя тюрьмы? Въ описаніяхъ нѣтъ недостатка, имъ нѣтъ числа и въ прозѣ и въ стихахъ; наглядное представленіе объ ужасномъ прошломъ могутъ дать кое-гдѣ уцѣлѣвшія среднѣвѣковыя темницы, наши захолустныя тюрьмы и, — чтобы не ѣздить слишкомъ далеко, — наши полицейскіе участки... Перенесемся въ «доброе» старое время... Передъ нами мрачныя, сырыя, холодныя, зловонныя, грязныя подземелья... Они кишатъ людьми, какъ и паразитами... Подслѣдственные и осужденные, несостоятельные должники и сумасшедшіе, здоровые и больные, старики и дѣти, мужчины и женщины, безъ различія категорій нерѣдко скованные вмѣстѣ, — отчего въ самой тюрьмѣ оказывался приростъ населенія, — все свалено въ кучу въ эти гнѣздилища несчастія, порока и преступленія, словно нарочно созданныя для того, чтобы заживо сгнать попавшихъ въ ихъ нѣдра. Тамъ — голодь, болѣзни и ужасающая смертность, тамъ въ взаимномъ развращеніи происходитъ многолѣтній, полный курсъ преступленія... И надъ всѣмъ царитъ гнетъ тюремщиковъ, откупавшихъ свои должности за огромныя деньги, чтобы затѣмъ сторицей вымогать ихъ отъ своихъ узниковъ. Надъ таковой тюрьмой должна-бы красоваться надпись, которую Данте прочелъ на вратахъ ада: «Lasciate ogni speranza, o voi ch'entrate!»... Впервые въ концѣ XVIII вѣка великій англійскій филантропъ Джонъ Говардъ съ необыкновенной силой и рельефностью выдвинулъ новое положеніе, ставшее краеугольнымъ камнемъ тюремной реформы, по его почину предпринятой и теперь безпрерывно продолжаемой: вотъ это положеніе: интересы арестанта неотдѣлимы отъ тѣхъ общественныхъ интересовъ, которые должна преслѣдовать

тюрьма, какъ мѣра государственной борьбы съ преступленіемъ, какъ дополненіе системы общественныхъ институтовъ, призванныхъ къ развитію гражданственности и народнаго благосостоянія. Конечной задачей наказанія или, точнѣй, его главнымъ способомъ обезпеченія общества, выставляется возрожденіе преступника, насколько возможно, къ правомѣрной гражданской жизни; средствами наиболѣе дѣйствительными признаются: трудъ, воспитаніе, просвѣщеніе умственное и нравственное. Безспорно, и теперь въ началѣ XX вѣка тюрьма еще очень и очень далека отъ совершенства; но время, затраченное на ея реформы: сто слишкомъ лѣтъ, — одинъ мигъ въ исторіи человѣчества. Если сравнить новѣйшія образцовыя тюрьмы съ ихъ предшественницами XVIII столѣтія, можно съ отраднымъ упованіемъ глядѣть впередъ, съ достаточнымъ основаніемъ вѣрить въ успѣхъ тюремнаго дѣла.

Восемнадцатый вѣкъ, обогатившій человѣчество великими реформами, оказался особенно знаменательнымъ для уголовного права. Возставъ противъ кровожаднаго духа тогдашней юстиціи, изрекавшей приговоры преступнѣе самихъ преступленій, вожди просвѣтительнаго движенія обратились къ коренному пересмотру общихъ воззрѣній старой юриспруденціи.

Зачатки философской мысли о преступленіи и наказаніи въ произведеніяхъ Платона и Аристотеля, развитые римскими юристами и еще болѣе поэтами и философами, поддержанные лучшими представителями церковнаго права начальнаго періода, успѣли заглухнуть въ атмосферѣ средневѣковаго варварства. Ихъ смѣнили обширные, но отрывочные комментаріи къ нимъ, которые впервые стали появляться въ XII вѣкѣ въ Италіи, отсюда распространились по Германіи, Франціи и другимъ странамъ Западной Европы. Подвергнувъ осужденію, беспощадному, но справедливому, эти слабыя ремесленные издѣлія узко-практическаго направленія, безъ связи и творческаго духа, еще Томазіи, а затѣмъ Монтескье и особенно Беккарія своими трудами положили начало наукѣ уголовного права, какъ системѣ, покоящейся на общихъ основаніяхъ, одухотворенной общею мыслию. Беккарія не остался безъ послѣдователей; среди нихъ жизнь отмѣтила много славныхъ именъ; въ наши дни столпами этой «классической» науки уголовного права служатъ Биндингъ на Западѣ, Н. С. Таганцевъ — въ Россіи. Изученіе преступленія,

какъ юридическаго событія, наказанія,—какъ его юридическаго слѣдствія, отношеніе преступника къ интересу, охраняемому правомъ, а государства—къ преступнику—вотъ содержаніе нашей науки. Разматривая и виѣшнюю оболочку преступленія: измѣненіе, произведенное вовнѣ, и его внутреннюю пружину—волю, обращенную на его совершеніе, она поставила своей задачей изученіе общаго состава преступленія и спеціальнаго—отдѣльныхъ его видовъ, приняла на себя выясненіе тѣхъ условій, при которыхъ дѣяніе должно быть отнесено къ преступнымъ вообще, къ опредѣленной ихъ категоріи—въ частности. Изслѣдуя наказаніе, какъ реакцію преступленія, наша наука занялась обоснованіемъ права наказывать, опредѣленіемъ цѣлей наказанія, средства къ ихъ достиженію, порядка примѣненія карательныхъ мѣръ. Очевидно, преступленіе—первое предположеніе уголовного права, но душа, идея его, какъ общественнаго учрежденія, выражается въ наказаніи. Эта душа смягчается все болѣе и болѣе; ряды жрецовъ Бога гнѣва и мести въ наукѣ уголовного права рѣдѣютъ быстрѣе и быстрѣе; все сильнѣе завладѣваетъ умами криминалистовъ идея исправленія преступниковъ. Она уже одержала блестящую побѣду при обсужденіи отвѣтственности молодыхъ правонарушителей: въ примѣненіи къ малолѣтнимъ карательныя мѣры совершенно замѣнены исправительно-воспитательными, въ примѣненіи къ несовершеннолѣтнимъ—постепенно вытѣсняются ими, причемъ возрастъ несовершеннолѣтія отодвигается все дальше и дальше (нѣкоторые простираютъ его уже за 30 и болѣе лѣтъ). Мощный потокъ въ пользу смягченія уголовной репрессіи не обходитъ и закоренѣлыхъ преступниковъ. Смертная казнь вымираетъ; тѣлесныя наказанія, какъ общая мѣра, ушли со сцены; исключительные случаи ихъ примѣненія, — у насъ на каторгѣ, на поселеніи, въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, въ военныхъ и волостныхъ судахъ,—надо надѣяться, скоро совѣмъ кануть въ Лету; пораженіе правъ ужь болѣе не переходитъ въ полное безправіе осужденнаго, тюремный режимъ высвобождается отъ излишней жестокости... Начавъ съ беспощаднаго истребленія преступниковъ, человѣчество пришло къ сознанію, что и самыя испорченныя изъ нихъ — плоть отъ плоти общества, что во всякомъ злодѣѣ нужно щадить человѣческую личность. Заключая по пропорціи, что будущее такъ относится къ настоящему,

какъ настоящее къ прошедшему, нужно думать, недалеко то время, когда раздраженіе и ненависть къ преступнику будутъ признаны такъ-же неумѣстными, какъ теперь относительно душевно-больного Разумѣтся, и того и другого, общество никогда не предоставитъ собственному усмотрѣнію на бѣду имъ самимъ и окружающимъ; я не хочу также сказать, что падеть стѣна, отдѣляющая тюрьму отъ психіатрической больницы; но карательная дѣятельность, отрѣшившись отъ чувства мести, изъ которой она родилась и развилась, сосредоточитъ всѣ свои силы на цѣлесообразномъ попеченіи о людяхъ, неустойчивыхъ въ правовой жизни; наказаніе поставитъ своею исключительною цѣлью: 1) поддерживать тѣхъ, кто, поскользнувшись, все таки еще способенъ двигаться по пути права, 2) подбирать въ сторону окончательно и безнадежно павшихъ. Въ правильномъ сочетаніи холодной, разумной строгости и теплой всечеловѣческой любви—весь секретъ полезныхъ реформъ!... Здѣсь мнѣ невольно припоминаются величественныя строки одного изъ свѣточей юриспруденціи, Геринга. «Научаютъ насъ», говоритъ онъ («Geist des gömischen Rechts», т. I, стр. 54 — 55): «познавать Бога въ цвѣткѣ и деревѣ, указываютъ намъ на свѣтила и въ ихъ безчисленности и въ законахъ ихъ движенія усматриваютъ самый высокій примѣръ всемогущества Божія. Но насколько духъ возвышается надъ матеріей, настолько и порядокъ и величіе міра духовнаго выше, чѣмъ въ мірѣ вещественномъ. Движеніе нравственныхъ идей во времени чудеснѣй, чѣмъ движеніе міровыхъ тѣлъ въ пространствѣ: онѣ не шествуютъ безпрепятственно, а встрѣчаютъ непрестанное сопротивление, противопоставляемое человѣческимъ упрямствомъ и неразуміемъ и злыми силами человѣческаго сердца. И если все-таки идеи эти осуществляются, если нравственная планетная система являетъ тотъ же порядокъ и ту-же стройность, какіе усматриваемъ въ планетахъ небесныхъ, то въ этомъ представляется доказательство Божественнаго управленія міромъ болѣе блистательное, чѣмъ въ явленіяхъ вышней природы. Говорили о поэзіи права и разумѣли подъ нею выраженіе душевныхъ, отзывающихся чувствомъ и воображеніемъ юридическихъ воззрѣній; но эта поэзія—свойства второстепеннаго и значенія ея въ правѣ—ничтожно; истинная же ея поэзія заключается въ возвышенности ея задачи, въ движеніи,

которое по величю и правильности подобно теченію свѣтилъ небесныхъ».

Намъ скажутъ: «все это слова: покажите-ка ваши дѣла! кого исравило ваше наказаніе, обезпечены-ли интересы общества и личности?... Если-же все это — только миражъ, кому-же нужны ваши теоріи?!»...

Мы отвѣтимъ словами Бекона: «нельзя въ одно и то же время и сѣять и жать; прежде всего надо приготовить почву, на которой можетъ возрасти хорошая жатва». Почва приготовлена предшествующими поколѣніями; мы сѣмъ; пусть не намъ дожидаться жатвы; ее соберетъ потомство и за нашъ сильный трудъ не помянетъ насъ лихомъ!...

II.

Мы разсматривали преступленіе, какъ юридическое событіе, но оно можетъ быть изслѣдуемо еще съ другихъ точекъ зрѣнія. Человѣческая мысль въ ея стремленіи къ обобщенію направляется къ изученію этихъ явленій въ массѣ, къ выводу ихъ общихъ законовъ. Въ концѣ 20-хъ годовъ только что отошедшаго XIX столѣтія зародилась особая наука: моральная статистика. Собравъ цифровыя данныя о количествѣ всѣхъ преступленій, совершенныхъ въ опредѣленномъ пространствѣ времени и мѣста, она приступила къ изслѣдованію условій ихъ совершенія. Тутъ бросилось въ глаза такое постоянство въ этихъ массовыхъ, повидимому, совершенно произвольныхъ явленіяхъ, такое строгое подчиненіе ихъ своимъ непреложнымъ законамъ, что отецъ моральной статистики, бельгіецъ Кетле воскликнулъ: «если есть бюджетъ, который выполняется съ поразительнымъ постоянствомъ, то—бюджетъ тюремъ, каторги и эшакота» («Sur l'homme et le developpement de ses facultés», т. I, стр. 8). Въ порывѣ увлеченія многіе увидѣли здѣсь нѣчто роковое, разъ навсегда предопредѣленное; но внимательное изученіе дѣйствительности показало, что постоянна только причинная связь между извѣстными явленіями: тѣ-же причины всегда влекутъ тѣ-же слѣдствія, но съ перемѣною первыхъ измѣняются и вторыя, и человѣчеству отнюдь не заказаны всѣ

пути для улучшения текущаго порядка вещей. Уловивъ наличность такой связи, устремились къ ея уясненію, къ открытію законовъ, управляющихъ преступленіями въ массѣ, чтобы затѣмъ найти средство для искорененія преступности. Такъ положено было начало уголовной социологіи.

Надо замѣтить, работы статистиковъ не разъ обнаружили опасность одностороннихъ увлеченій. Порой весьма затруднительно разобраться въ сложныхъ комбинаціяхъ разнообразныхъ переплетающихся причинъ, давшихъ извѣстные результаты; весьма часто, особенно при поспѣшности или тенденціозности изслѣдованія, явленія, сопутствующія или предшествующія принимаются за причинныя; статистическія цифры со своимъ загадочнымъ языкомъ допускаютъ столько-же толкованій, сколько произведенія семитической литературы, и нерѣдко приносятъ пользующимся ими обманъ или самообманъ.

Уголовная социологія твердо установила существованіе причинной зависимости между преступностью и несовершенствомъ социальнаго строя; наглядно доказала, что самъ онъ своей внутренней организаціей, далеко не всегда соответствующей потребностямъ социальной жизни, содѣйствуетъ массовому оскудѣнію и вырожденію породы и такимъ образомъ вооружаетъ на свою-же голову полчища заклятыхъ враговъ. «Лучше предупредить преступленія, чѣмъ карать ихъ», провозгласилъ еще Беккарія. Съ помощью социологическихъ изслѣдованій все дальше и тверже прокладываетъ дорогу великая идея, что общественную безопасность можетъ охранить гораздо лучше, чѣмъ самая сложная и утонченная карательная система, широкая организація мѣръ предупрежденія. Призрѣніе безпріютныхъ и заброшенныхъ дѣтей, народное воспитаніе и образованіе, подавленіе алкоголизма, учрежденіе убѣжищъ для отбывшихъ наказаніе, домовъ трудолюбія, дешевыхъ квартиръ для бѣдняковъ, страхованіе рабочихъ и проч.,—вотъ о чемъ должно непременно позаботиться общество, хотя-бы изъ чувства самосохраненія. Разумное проведеніе каждой изъ мѣръ общественно-государственной гигіены стѣбитъ въ борьбѣ съ преступностью десятокъ новыхъ карательныхъ законовъ,—таковъ главный выводъ уголовной социологіи; спорить противъ него не приходится. Но отсюда перескочили къ слишкомъ смѣлому обобщенію: выдвинули понятіе преступленія, какъ патологическаго явленія

общественнаго организма. Такое опредѣленіе не представляется правильнымъ. Уподобляя общество животному организму, необходимо соблюдать надлежащую послѣдовательность: въ животномъ организмѣ только чрезмѣрное выдѣленіе различныхъ веществъ: бѣлка, сахара, фосфора и др. создаетъ понятіе болѣзни; выдѣленіе не свыше нормы происходятъ и въ совершенно здоровомъ тѣлѣ, прекращаетъ ихъ только смерть. Такъ и совершеніе преступленій становится ненормальнымъ, патологическимъ явленіемъ лишь тогда, когда преступность выходитъ изъ своихъ береговъ, тогда лишь страшна она человѣчеству. Преступленіе же само по себѣ не есть еще тревожный симптомъ для общества, оно свойственно всякому общественному строю. Источникъ преступленія—столкновение интересовъ есть въ то же время условіе всякаго движенія впередъ; изсякнетъ этотъ источникъ,—замретъ прогрессъ; искоренить преступленіе можно лишь вмѣстѣ съ прогрессомъ.

Какъ уголовная социологія попыталась найти отвѣтъ о генезисѣ преступленія въ обществѣ, такъ уголовная антропологія задумала отыскать его путемъ изслѣдованія фактора, непосредственно порождающаго преступленія—преступника; она бросилась подмѣчать въ немъ анатомо-патологическія особенности, посредствомъ которыхъ было бы возможно объяснить его посягательства и вывести общіе законы, правящіе преступностью. Это новое направленіе при своемъ возникновеніи, въ половинѣ 70-хъ годовъ истекшаго XIX вѣка, было встрѣчено восторженными привѣтствіями друзей и не менѣ бурными протестами враговъ. И не удивительно: проповѣдуя полный переворотъ въ области уголовного права, предвѣщая новую эру въ жизни человѣчества, оно обрекало на смерть все, добытое трудами многихъ поколѣній криминалистовъ, всю ихъ старую «классическую» школу. Теперь страсти остыли, волненіе улеглось, и мы можемъ болѣе спокойно намѣтить вершины ученій антропологическаго направленія.

Первой бомбой, вызвавшей такое смятеніе умовъ, было знаменитое сочиненіе итальянскаго врача Ломброзо: «L'uomo delinquente» («Преступникъ»). Здѣсь на основаніи наблюденій болѣе или менѣ многочисленныхъ, совершенно отрывочныхъ, не всегда достаточно полныхъ и точныхъ, выдвигается общее понятіе «преступнаго человѣка», какъ особаго аномальнаго

органическаго типа, самую природою предназначеннаго къ преступленію. По утверженію Ломброзо, этотъ типъ по виѣшности сходный съ монгольскимъ, обладаетъ разными характерными анатомическими, фізіологическими и другими органическими дефектами; то является типомъ оскудѣнія, приближается къ докультурному дикарю, то оказывается продуктомъ вырожденія, какъ жертва эксцессовъ цивилизаціи. Сначала это понятіе чрезвычайно быстро и смѣло было примѣнено ко всѣмъ правонарушителямъ, но Ломброзо не могъ удержаться на захваченной позиціи и, отступая отъ нея шагъ за шагомъ, призналъ особыми прирожденными «*mattoidi*» только опредѣленную, весьма небольшую группу въ общей массѣ преступнаго люда; теперь и это положеніе защищается съ непостижимымъ упорствомъ только самимъ Ломброзо и лишь немногими наиболѣе горячими его приверженцами. Но и въ такомъ «исправленномъ изданіи» можно ли принять эту теорію?

Какъ криминалистъ, я не берусь критиковать ее съ точки зрѣнія общей антропологіи; ограничусь замѣчаніемъ, что корифеи этой науки: Вирховъ, Тонинаръ, Бордье, Манувріе и др. разбили въ дребезги анатомическія выкладки Ломброзовской школы. Далѣе, психопатологія совершенно ясно установила, что есть различныя патологическія особенности, вліяющія на отправление мыслительной и волевой дѣятельности; но нѣтъ никакихъ основаній сдѣлать обратное заключеніе, что всякое-де уклоненіе отъ нормальнаго теченія жизни, всякое стремленіе къ нарушенію правилъ общежитія нужно приписать патологическому состоянію организма. Если бы преступленіе было продуктомъ человѣческой организаціи, формы проявленія преступности измѣнялись-бы лишь вмѣстѣ съ нею, т. е. въ безконечно долгіе періоды міровой исторіи; эти измѣненія ускользнули-бы отъ нашего глаза, мы-бы не имѣли ни исторіи преступленій, ни исторіи уголовного права вообще. Между тѣмъ перемѣны происходятъ съ большою, сравнительно, быстротою, не только въ видахъ, но даже и родахъ преступленій; подъ какимъ-же вліяніемъ? — подъ вліяніемъ всей совокупности совмѣстнаго существованія людей, условій соціальныхъ. Преступленіе—дѣтя своей эпохи, явленіе культурно-историческое, а не естественно-историческое. Развѣ мыслимы контрбанда, поддѣлка монеты, подлоги и т. п. въ ту блаженную пору, когда не

было ни таможенъ, ни денежныхъ знаковъ, ни письменныхъ документовъ? Посмотрите, какіе поразительные перевороты въ опредѣленіи преступности дѣяній совершались и совершаются въ сравнительно короткіе промежутки времени: какъ-бы поразила римскій отецъ семейства, если-бы, возставъ изъ гроба, увидѣлъ, что убійство подвластныхъ членовъ семьи, бывшее для него законнымъ осуществленіемъ «права жизни и смерти», теперь въ одной изъ просвѣщеннѣйшихъ странъ, преемницъ его цивилизаціи, карается смертью! напротивъ, кто найдетъ теперь въ нашептыванъ доморощенной колдуньи тяжкое преступленіе, достойное сожженія виновной, или какое цивилизованное государство станетъ вѣшать покусившихся на самоубійство?!... А что скажемъ о другихъ колебаніяхъ законодательства, менѣ замѣтныхъ, но гораздо болѣе частыхъ? При Алексѣѣ Михайловичѣ наказуется курившій табакъ, при сынѣ его Петрѣ Алексѣевичѣ—противившійся куренью; въ комъ же изъ этихъ ослушниковъ, въ первомъ-ли, во второмъ, или, наконецъ, въ обоихъ вмѣстѣ гнѣздится врожденная преступность? По нашему Уложенію 1845 года ростовщичество—преступленіе, закономъ 6 марта 1873 года вычеркивается изъ уголовного кодекса, а 24 мая 1893 года заносится туда вновь. По теоріи Ломброзо, ростовщикъ до 1879 года прирожденный преступникъ со всеми свойственными ему атрибутами, отъ 1879 года по 1893-й—человѣкъ нормальный, а съ 1893 года—опять полудикарь, полупсихопатъ—продуктъ оскуднѣнія или вырожденія!... Итакъ, формальный признакъ преступленья, запрещенность дѣянія въ уголовномъ законѣ обладаетъ чрезвычайной подвижностью, непримиримою съ теоріей врожденной преступности... Пожертвуемъ имъ ради нея, отбросимъ его въ сторону, но что тогда окажется? Съ одной стороны, среди преступленій есть масса дѣяній, отъ которыхъ стѣбитъ лишь отнять этотъ формальный признакъ, и они останутся такими сѣренькими, безличными, что смѣшна даже мысль приписать кому-бы то ни было какое-то прирожденное влеченіе къ нимъ, таковы: продажа тухлой провизіи, неисправное содержаніе улицъ и дворовъ, прогонъ скота безъ установленнаго осмотра и т. п. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ можно еще признать предрасположеніе отъ колыбели къ дѣйствіямъ, воспрещеннымъ закономъ, результаты получаются еще болѣе курьезные. Вотъ примѣры:

признавая прирожденное влечение къ передвиженію, безъ помощи формальнаго признака мы не распознаемъ бродяги отъ туриста; отбросимъ формальный признакъ убійства: запрещенность дѣянія; остановимся лишь на матеріальномъ моментѣ: лишеніи жизни; допустимъ, что пролитіе человѣческой крови имѣетъ для нѣкоторыхъ особенную притягательную силу, окрестимъ ихъ вмѣстѣ съ Ломброзо прирожденными убійцами... и что-же? подъ этой кличкой сойдутся невзначай въ одной компаніи и разбойникъ, закалывающій свою жертву, и великій полководецъ, разбивающій враждебныя арміи, и палачъ совершающій казнь, и отсталый профессоръ, ратующій словомъ и перомъ за ея удержаніе!... Предъ такими выводами остановится и самый крайній новаторъ; въ немъ приводитъ подмѣны понятій, игра словами, недостойная науки!...

Отрицать вліяніе наслѣдственности невозможно, но мы знаемъ, какъ часто одни и тѣ-же свойства, заложенные въ дѣяніяхъ, подъ вліяніемъ различныхъ житейскихъ условій, изъ одного создаютъ блестящаго финансиста, предметъ изумленія и преклоненія, изъ другого—заправскаго мошенника, отверженца общества. Неврозъ, какъ совокупность фізіологическихъ и психологическихъ особенностей, пароль и лозунгъ нашего вѣка,—страшно капризенъ: онъ рождаетъ, по словамъ самого Ломброзо, то преступленіе, то генія. Признавать врожденность дурныхъ качествъ наравнѣ съ хорошими, конечно, не значить согласиться съ теоріей Ломброзо; я скажу вмѣстѣ съ Тардомъ (цитир. соч., стр. 256): «родятся порочными, преступными дѣлаются». Ясно, порочный и преступный—не синонимы. Сколько людей глубоко испорченныхъ, внушающихъ къ себѣ больше гадливости, чѣмъ патентованные каторжники; но пока они не перешли за рубежъ уголовного закона, ихъ нельзя назвать преступниками, для нихъ нѣтъ уголовной репрессіи, для нихъ одинъ судья—собственная совѣсть. Съ другой стороны, кто назоветъ порочными такихъ преступниковъ: лавочника, торговавшего въ недозволенное время, обывателя, не уплатившаго большаго сбора, мать, укрывшую сына, виновнаго въ государственномъ преступленіи, отца, омывшаго кровью поруганную честь дочери?...

Что-же такое пресловутый преступный типъ? Какъ известно, по капризу природы имъ отмѣчаются иногда лица безупречныя во всѣхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ нерѣдко,

ускользнувъ отъ этого каиновскаго клейма, истые изверги выглядятъ благороднѣйшими гражданами, а тяжкія преступницы носятъ ангельскій обликъ. Пусть все это — исключенія и въ дѣйствительности все таки существуютъ особыя черты, свойственныя преимущественно ремесленникамъ преступленія, слагающіяся въ особый преступный типъ. Представляетъ-ли онъ исключительное явленіе, нуждающееся въ особомъ истолкованіи? Развѣ мы незнаемъ типовъ ученаго, чиновника, студента, курсистки, держиморды, военнаго, торговки, кокотки и т. д.? Но—кто станетъ трактовать въ серьезъ о природенныхъ ученыхъ, чиновникахъ, торговкахъ и т. д.? Все эти типы—соціологическіе, выработанные самою жизнью: избраннымъ родомъ занятій, нравами среды, всею совокупностью окружающихъ житейскихъ условій. Наблюдается, правда, иногда разительное несоотвѣтствіе: студентъ вдругъ походитъ на гвардейца, военный—на ученаго, ученый—на чиновника, а самъ Гегель, по словамъ Шопенгауэра, обладалъ наружностью трактирщика... Такую путаницу не трудно объяснить, не говоря ужъ о злой проиіи судьбы. Одни только числятся въ своей соціальной группѣ, фактически-же посвящаютъ себя чуждымъ ей занятьямъ, которыя и налагаютъ свой отпечатокъ. У другихъ при коренной перемѣнѣ рода жизни не успѣли изгладиться признаки старой профессіи: такъ, отъ иной знатной дамы вѣетъ ароматомъ прачешной или кухни. Третьимъ отцы передали свои профессиональныя примѣты уже въ качествѣ природенныхъ, и специальность самихъ дѣтей оказалась не въ силахъ переработать эти черты. Особую выпуклость и устойчивость приобрѣтаютъ онѣ при однородности занятій послѣдующихъ поколѣній, подъ двойнымъ вліяніемъ: профессіи и наслѣдственности. Такъ, нерѣдко можно распознать происхождение изъ духовнаго званія въ челоуѣкѣ, который самъ уже всецѣло приобщился къ свѣтскому обществу; этотъ обликъ достался по наслѣдству, но первопричина его—соціальныя условія жизни.

Преступленіе въ наши дни для многихъ профессіа, притомъ власеъ профессиональныхъ преступниковъ—довольно замкнутый: ихъ несчастныя дѣти самою жизнью подталкиваются по дорожкѣ, проторенной родителями, отсюда—огромное сходство съ ними и по вѣншнему и по внутреннему складу. Вотъ почему преступный типъ выражается болѣе рѣзко, чѣмъ другіе,

но порождается онъ, какъ и остальные, условіями среды. «Созидающіе этотъ типъ души, работающіе подъ нимъ мастера извѣстны», говоритъ бельгійскій ученый Принсъ («Новыя доктрины угол. права», перев. Н. Р., стр. 23): «они зовутся развратомъ, алкоголизмомъ, нищетой. Это—условія жизни, полной похощеній, приключеній, насилья. Это—страсти, овладѣвающія людьми, тюрьма, кладущая на нихъ неизгладимую печать, труппы, гдѣ они гнѣютъ въ адекомъ смѣшеніи, имѣя передъ глазами лишь примѣры порока. Здѣсь пріобрѣтаютъ они наружность, привычки, инстинкты; ихъ характеризуетъ безчувственность, грубость, цинизмъ; бесспорно, они составляютъ особый классъ, и правъ былъ Маудели, говоря, что они отличаются отъ честныхъ людей такъ же рѣзко, какъ черноголовый баранъ отъ бѣлоголоваго. Мы не забудемъ, что съ такимъ-же правомъ можно сказать, что старый профессоръ философіи отличается отъ стараго канатнаго плясуна даже больше». Для объясненія такихъ явленій нѣтъ нужды прибѣгать къ біологическому закону, достаточно соціологическаго.

Очень смѣла и радикальна попытка антропологической школы произвести революцію въ понятіяхъ о преступномъ дѣяніи; не менѣе рѣшительны ея взгляды на сущность и цѣли наказанія. Единственнымъ мѣриломъ признается общепаность преступника, страхъ, который внушаютъ обществу его врожденныя свойства; этотъ страхъ, «*temebelità*», оправдываетъ вполне всѣ мѣропріятія противъ преступника. «Мы должны отказаться», говорятъ Ломброзо: «отъ современныхъ сентиментальныхъ отношеній къ преступнику, которыми заражены всѣ наши криминалисты; высшая раса всегда угѣсняетъ и истребляетъ низшихъ. Таковъ законъ развитія человечества. Гдѣ дѣло идетъ о спасеніи высшей расы, тамъ нѣтъ мѣста жалости». «Человѣкъ — не что иное, какъ общественная молекула», вторитъ своему учителю Гарофало («*Criminologie*», стр. 257): «а потому нельзя церемониться съ его правами, какъ скоро его существованіе грозитъ общественной безопасности». И на преступнаго человѣка воздвигается травля, какъ на хищнаго звѣря. Провозгласивъ необходимость безопаднаго истребленія этой породы, весьма послѣдовательно, въ устраненіе наследственной передачи преступности, рекомендуютъ совѣмъ лишить преступника возможности имѣть потомство. Уже Лом-

брозо одобряетъ смертную казнь или, въ замѣнъ ея ссылку осужденныхъ безъ всякихъ заботъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ въ страны, страдающія маляріей, а Гаросало — къ дикарямъ. Адепты Ломброзо не останавливаются на томъ, они щеголюють своей изобрѣтательностью, они хотятъ принудительно превращать прирожденныхъ преступниковъ въ скопцовъ. Оправдались горькія слова, которыя недавно самъ Ломброзо бросилъ въ лицо анархистамъ («Die Anarchisten», стр. 98): «чѣмъ болѣе страшна и абсурдна идея, тѣмъ болѣе дураковъ, полудураковъ и истеричныхъ привлекаетъ она къ себѣ, особенно въ области политики»: идея кастраціи преступниковъ нашла отголоски въ наиболѣе культурныхъ государствахъ: во Франціи проводитъ ее Проаль въ сочиненіи представленномъ въ 1886 году на конкурсъ въ «Академію Политическихъ и Нравственныхъ Наукъ» (avant-propos, стр. VIII), также Сервье, въ Германіи — Некке, въ Италіи — Цуккарелли, въ Америкѣ — Кесси; землякъ послѣдняго нѣкій Эдгаръ внесъ даже въ 1897 году въ Мичиганскій парламентъ соответственный законопроектъ, но потерпѣлъ полнѣйшее фіаско. Словомъ, такъ называемая итальянская позитивная школа въ своей борьбѣ съ преступнымъ людемъ круто повернула къ пережитымъ временамъ варварства и въ своихъ воззрѣніяхъ проявила тѣ самыя черты атавизма, которыя она же отыскала и выставила въ созданномъ ею преступномъ типѣ! Едва-ли пойдетъ по указанному ея пути тотъ, кому дороги нравственные идеалы государства и достоинство человѣка!...

Итакъ, въ растворяющей атмосферѣ нашего вѣка, подъ вліяніемъ новыхъ теченій, для старой науки уголовного права, мирно работающей надъ юридическимъ изслѣдованіемъ преступленія, насталъ «Sturm- und Drangperiode». Явились попытки ниспровергнуть ея вѣковое основаніе, чтобы на обломкахъ стараго зданія построить новое, у котораго, повидимому, отъ всего прежняго не должно остаться даже имени: возникли стремленія замѣнить уголовное право то уголовной антропологіей, то уголовной социологіей; болѣе умѣренные домогаются расширенія его рамокъ, включивъ въ нихъ изслѣдованіе *всѣхъ* условий, возникновенія преступленій и *всѣхъ* средствъ борьбы съ ними. Но и въ такую смутную, трудную пору каждый изъ насъ долженъ быть готовъ исповѣдать открыто свое научное «credo».

Кто рѣшится отрицать значеніе антропологіи и соціологіи для науки уголовного права? она глубоко черпаетъ изъ этихъ источниковъ, ихъ вліяніе сказывается на важнѣйшихъ ея положеніяхъ.

Антропологія значительно облегчила изученіе преступниковъ; отмѣтивъ среди нихъ обремененныхъ порочною организаціею, она дополнила и упрочила ихъ классификацію; уголовное право и впредь можетъ рассчитывать на полезное содѣйствіе этой молодой, многообъясняющей науки, но сродненіе двухъ совершенно различныхъ отраслей знанія, изъ коихъ одна относится къ разряду наукъ біологическихъ, другая-же юридическихъ, соціальныхъ—рѣшительно невозможно.

Работы статистиковъ произвели полный переворотъ въ ученіи о свободѣ воли, слѣдовательно, объ основахъ вмѣненія; дали надежное основаніе для ученія о повтореніи преступленій, о совершеніи ихъ по привычкѣ, по ремеслу; выясняя результаты наказанія, способствовали измѣненіямъ въ отдѣльныхъ его формахъ и во всей системѣ; наконецъ, и самое главное — выдвинули огромное значеніе предупредительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ преступностью. Словомъ, статистика потрудила много и плодотворно рука объ руку съ уголовнымъ правомъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ заключить о необходимости или пользѣ смѣшенія воедино наукъ, различающихся и по методамъ изученія и по своимъ задачамъ. Соціологическое изслѣдованіе исходитъ изъ понятія преступленія, какъ явленія конкретного и при томъ многократнаго, беретъ отправною точкой определенное число преступленій; съ помощью системы большихъ чиселъ разрѣшаетъ свою единственную задачу: вывести общіе законы, управляющіе общежитіемъ. Данныя, добытыя соціологіей, ложатся въ основаніе работъ другихъ наукъ, преслѣдующихъ свои спеціальныя цѣли; этими данными пользуется и юриспруденція, въ частности уголовное право. Запасшись выводами соціологіи, оно стремится къ разрѣшенію своихъ особыхъ задачъ: исходя изъ родового понятія преступленія, какъ явленія отвлеченнаго, отыскивая въ исторіи права критеріумъ для правильнаго пониманія дѣйствующаго и построенія будущаго, наша наука служитъ руководствомъ законодателю въ его творческой дѣятельности, а судебному прак-

тику—въ подведеніи многообразныхъ случаевъ жизни подъ общія и точныя опредѣленія закона.

Эти предѣлы, установленныя «классической» школой, значительно расширяются новымъ «соціологическимъ» направлениемъ. Глава его, смѣлый новаторъ, энергичный агитаторъ, высокоталантливый берлинскій профессоръ Францъ фонъ Листъ ставитъ уголовной наукѣ 3 задачи: первая—практическая: выработка практиковъ 1) черезъ юридико-логическое изученіе уголовного права и процесса («Strafrechtswissenschaft» въ тѣсномъ смыслѣ) и 2) черезъ практико-техническое обученіе въ установленіи состава преступленія («Kriminalistik»); вторая задача научная: причинное выясненіе преступленія («Kriminologie») и наказанія («Penologie»); наконецъ, третья — политическая: развитіе законодательства въ смыслѣ цѣлесознательной борьбы съ преступленіемъ и притомъ преимущественно, но не исключительно посредствомъ наказанія («Kriminalpolitik»). Новая школа считаетъ въ своихъ рядахъ много солидныхъ ученыхъ; представителями ея являются у насъ — И. Я. Фойницкій, во Франціи—Гарро, въ Италіи—Ферри, въ Бельгіи — Принсъ, въ Голландіи—Ванъ-Гаммель и др.; она-же породила Международный Союзъ Криминалистовъ, въ который, впрочемъ, входятъ и приверженцы другихъ направленій.

Нужно сознаться, такая постановка вопроса въ высшей степени соблазнительна; она поддугаетъ своею ширью и жизненностью; при сопоставленіи съ новымъ «соціологическимъ» направлениемъ старая «классическая» школа вызываетъ нареканія и нападки, особенно яростныя въ устахъ диллетантовъ; ее обвиняютъ въ излишнемъ формализмѣ, замкнутости, бездушности; ее упрекаютъ въ томъ, будто-бы она застыла въ мертвящей рутинѣ; для нея, по словомъ Принса (цитир. соч., стр. 6): «преступникъ — не живой, дѣйствующій человекъ, а лишь отвлеченный типъ, познаваемый чистымъ разумомъ внѣ реальной жизни, преступленіе—не актъ этой реальной жизни, а юридическая формула, внесенная въ кодексъ; наконецъ, наказаніе —не защита, направленная противъ нападенія, а теоретическая система, принятая учеными, не считающимися съ природою преступленія». Справедливы-ли эти упреки? посмотримъ.

«Доктрина второй половины XIX вѣка», возражаетъ Таганцевъ («Русское угол. право», 2-ое изд., 1902 г., т. II, стр.

926): «не только не упускала изъ вида челоѣка—преступника, но неуклонно стремилась къ признанію челоѣка въ преступникѣ, что далеко не одно и то же и что—увы!—нельзя сказать о трудахъ главнѣйшихъ представителей псевдо-позитивнаго направленія». И съ точки зрѣнія «классической школы» преступленіе—не мертвая формула, а вредное для общественной жизни дѣяніе. И «классическая» школа изучаетъ преступника, такъ какъ личность его проявляется въ преступленіи и поскольку она въ немъ проявляется; иначе уголовное право рискуетъ выродиться въ полицейское. Въ самомъ дѣлѣ, шагнемъ за эти предѣлы, поставимъ центромъ изученія криминалиста вмѣсто преступленія преступную личность со всеми ея качествами, и мы попадемъ въ водоворотъ весьма опасныхъ вопросовъ: к чему намъ ждать, чтобы преступникъ проявилъ себя въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ уголовномъ законѣ, если его преступный характеръ прорвался какъ-нибудь иначе? ограничиться-ли ничтожнымъ наказаніемъ за судимый проступокъ, если при всей его маловажности въ немъ проявились во всемъ омерзительномъ блескѣ кровавадыя наклонности виновника, хищническая алчность, неукротимая злоба и т. п.?... Такъ границы судебного изслѣдованія на практикѣ совершенно растаютъ, судъ займется чтеніемъ въ сердцахъ, подозрительнымъ выискиваніемъ преступной неблагонадежности, и тогда ужъ прощайте, всѣ гарантіи личности!... Неужели XX вѣкъ явился упразднить лучшіе принципы XVIII столѣтія, завѣщанные намъ, какъ дорогое наслѣдье? «Наука уголовного права», по указанію самого Принса («Science pénale et droit positif», 1899 г., стр. XLVIII): «должна обращаться къ источникамъ жизни, но должна обращаться и къ другому источнику истины: исторіи». «Истинные люди прогресса», по опредѣленію Ренана, — «тѣ, которые уважаютъ прошлое». Теперь въ уголовномъ правѣ хотятъ видѣть науку, изучающую *всѣ* средства борьбы съ преступленіями, требуютъ у него панацеи отъ преступности. По начертаніямъ же «классической» школы область его значительно уже, начинается тамъ, гдѣ оказались безсильны всѣ предупредительныя мѣры; только тогда выступаетъ уголовное право со своимъ специальнымъ оружіемъ: наказаніемъ. И въ этихъ рамкахъ миссія его достаточно велика: нужны мѣры предосторожности отъ пожара, но если онъ все-таки приключился, не опускать же предъ нимъ

рукъ въ сокрушеніи, что не сумѣли его предупредить; надо немедленно умѣло и энергично воспользоваться огнегасительными средствами. И предупредительная и карательная дѣятельность одинаково необходимы и такъ важны, что каждая изъ нихъ вполне заслуживаетъ внимательнаго особаго, раздѣльнаго изслѣдованія. Сліяніе ихъ изученія породило-бы какую то необъятную, безбрежную науку, съ какимъ-то неопредѣленнымъ характеромъ, съ отчаяннымъ рвеніемъ охватить все, что только можно связать съ мыслию о преступленіи. Тутъ пришлось-бы разрабатывать, различными методами, наряду съ чисто юридическими безконечно разнообразныя вопросы: и о климатѣ страны, и о народномъ благосостояніи и объ анатоміи и физиологіи человѣка и о надлежащемъ устройствѣ дверныхъ запоровъ и т. д. Но эта желанная ультра-эклетическая наука непремѣнно въ самый моментъ своего рожденія заявитъ рѣзко и рѣшительно: «я раздѣляюсь на такія-то и такія-то части, которыя имѣютъ между собою столько-же общаго, сколько ученіе о вмѣняемости и заботы о ночномъ освѣщеніи улицъ». Великій законъ дифференціаціи знанія, развивающій пропорціонально развитію прогресса, проявится и здѣсь съ неотразимой силой: мы получимъ механическое смѣшеніе разныхъ отраслей знанія, отнюдь не цѣльную, объединенную науку. Необходимое условіе успѣха во всякомъ сложномъ дѣлѣ—правильное распредѣленіе труда, и, на мой взглядъ, уголовное право, поддерживая тѣсную связь съ сопредѣльными науками, должно остаться вѣрнымъ своему исконному назначенію: сосредоточить силы на изученіи юридическаго состава преступленій и вызываемой ими карательной дѣятельности государства. Права установлены ради людей, а уголовное право затрагиваетъ важнѣйшія и драгоцѣннѣйшія человѣческія блага. И въ такомъ пониманіи оно не можетъ быть сухимъ и отвлеченнымъ, оно должно быть глубокимъ, идти на встрѣчу потребностямъ жизни, давать отвѣты на ея насущныя вопросы... Наука, отъ нея отворачивающаяся,—пустая схоластика; ея смерть—въ ея нравственномъ безплодіи.

Я не могу закончить нашей бесѣды, не остановившись на одномъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые съ особеннымъ жаромъ предъявляются къ нашей наукѣ, съ которыми неразрывно связано признаніе за ней права на существованіе, это—вопросъ о правѣ наказанія.

Мы видимъ, преступленіе и наказаніе—явленія всемірныя и вѣчныя. Это свидѣтельство исторіи очень поучительно, однако мысль не успокаивается на констатированіи голыхъ фактовъ. Быть можетъ, они—результатъ дикихъ предразсудковъ, заблужденій, подлежатъ немедленной сдачѣ въ необъятный архивъ исторіи человѣчества? быть можетъ, вся карательная дѣятельность, какъ таковая, лишь совокупность вопіющихъ актовъ насилія государства надъ индивидомъ, не оправдываемыхъ ни справедливостью, ни необходимостью? Въ пытливомъ человѣческомъ умѣ возстаетъ вопросъ: да на чемъ основано карательное право государства? Мучить онъ и героя «Воскресенья» князя Нехлюдова; за разрѣшеніемъ его Нехлюдовъ обращается къ наукѣ уголовного права. Что-же оказалось? «очень много было тамъ умнаго, ученаго, интереснаго», удостовѣряетъ самъ гр. Л. Н. Толстой («Воскресенье», берлинское изд. Штура, стр. 353—4): «но не было отвѣта на главное: по какому праву одни наказываютъ другихъ? не только не было этого отвѣта, но все разсужденія велись къ тому, чтобы объяснить и оправдать наказаніе, справедливость котораго признавалась аксіомой». Если принять на вѣру заявленіе маститаго писателя, какою жалкою представится наука уголовного права, не задающаяся даже основнымъ вопросомъ: о правѣ наказанія!... но это не совсѣмъ такъ и даже совсѣмъ не такъ; чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, достаточно заглянуть въ любой элементарный учебникъ уголовного права.

Ни одинъ изъ вопросовъ нашей науки не можетъ похватать такой обширной литературой. Первые робкія попытки разрѣшить его извѣстны уже глубокой древности; въ новые вѣка стремленіе пробуждается съ необыкновенной силой, во второй половинѣ XVIII столѣтія превращается въ ненасытную страсть къ изобрѣтенію теорій наказанія. Въ наши дни насчитываютъ до 24 полныхъ философскихъ системъ и свыше 100 теорій отдѣльныхъ криминалистовъ. Въ послѣднее время наблюдается даже реакція противъ такого увлеченія, впадающаго подчасъ въ мелочную придирчивость къ чужимъ мнѣніямъ, лишь бы выдвинуть собственную теорію тамъ, гдѣ нѣтъ въ ней, пожалуй, никакой надобности. При такихъ условіяхъ, по справедливому замѣчанію Лайстнера («Das Recht in der Strafe», стр. 197): «является, можетъ быть, даже заслугой изложить все су-

ществующія теоріи и въ заключеніи не распространиться въ новой гипотезѣ». У нѣкоторыхъ возникло даже отрицательное отношеніе ко всему вопросу. «Теоретическій споръ о томъ, необходимо или нѣтъ наказанія», говоритъ проф. Клятковскій (цитир. соч., стр. 764): «нужно отнести къ числу столь-же праздныхъ, какъ праздны споры, необходимо или нѣтъ человѣку жить въ обществѣ». «Совершенно достаточно», добавляетъ нѣмецкій проф. Шютце («Notwendige Theilnahme», стр. 8): «возвести понятіе уголовного права къ правовому порядку, а понятіе наказанія къ естественной реакціи порядка противъ посягательства отдѣльной воли». Однако разъ возбуждается сомнѣніе о правѣ государства карать преступника, для обоснованія этого права недостаточно сослаться на потребности наказующаго, нужно еще отыскать точку опоры въ природѣ наказуемаго, иначе весь процессъ опредѣленія и примѣненія наказанія окажется висящимъ въ воздухѣ. Конечно, спорить о необходимости человѣческаго общежитія не приходится. «Образованіе общества», поясняетъ Берто («Cours de Code pénal», стр. 669): «не есть какое-либо случайное явленіе, которое могло-бы быть и не быть, оно не есть что-либо выбранное усвоенное; оно началось съ человѣчествомъ и кончится съ нимъ вмѣстѣ; его возникновеніе лежитъ въ природѣ человѣка, о немъ говорятъ всѣ его интересы, потребности и надежды. Все предназначаетъ человѣка къ общежитію». Необходимъ, конечно, и какой-либо порядокъ въ общественной жизни; онъ нуждается въ охранѣ, но какими именно мѣрами? Вопросъ о необходимости наказанія самъ собою еще не предрѣшается; отвѣтъ можно почерпнуть только изъ разсмотрѣнія тѣхъ отношеній, среди которыхъ оно примѣняется. Цѣлесообразная борьба съ преступностью должна быть сведена къ борьбѣ съ порождающими ее причинами. Сюда относятся: 1) условія физическія: почва, климатъ, раса и т. д.; 2) условія социальныя: порядокъ государственнаго управленія, распредѣленіе богатства, система государственнаго хозяйства, уровень народнаго образованія и воспитанія, дороговизна жизни и т. д.; 3) условія индивидуальныя, лежащія въ складѣ волевой дѣятельности человѣка. Борьба наказаніемъ съ условіями физическими или социальными было-бы абсурдомъ. Что касается личныхъ свойствъ, «человѣкъ», по словамъ Макіавели: «однимъ лишь превосходитъ всѣхъ остальныхъ твореній—своими безмѣр-

ными желаніями»; дать имъ просторъ — значило бы отказаться отъ мысли организовать какое-либо человѣческое общество; наказаніе и призвано регулировать волевою дѣятельность человека; оно должно найти приложеніе, безразлично, будемъ-ли мы считать волю свободной или несвободной. Съ точки зрѣнія сторонниковъ свободы воли, въ угрозѣ и примѣненіи кары за преступленіе индивиду предоставляется свободный выборъ между благами, которыя сулитъ задуманное посягательство, и лишеніемъ, которымъ грозитъ уголовный законъ. Разматривая волю, какъ способность опредѣляться внѣшними побужденіями, въ страхѣ наказанія мы получимъ вѣсовъ, чтобы перетянуть лежащее на другой стремленіе индивида къ противоправному самоудовлетворенію. Коснувшись воззрѣній крайнихъ фаталистовъ, споръ о наказаніи совершенно теряетъ почву; для иллюстраціи приведу рассказъ, относимый къ одному изъ ученыхъ представителей этого направленія, Гоммелю, жившему въ концѣ XVIII столѣтія. Однажды онъ ударилъ слугу, разбишаго дорогую вазу. «За что бьешь ты меня», воскликнулъ тотъ: «когда въ своихъ лекціяхъ отрицаешь свободу воли и утверждаешь безусловное предопредѣленіе всѣхъ событій? Да развѣ я свободенъ? вѣдь, я съ необходимостью долженъ былъ разбить эту вазу? Такъ изначало предначертано въ Книгѣ Судебъ!» «Да», возразилъ Гоммель: «но переверни другую страницу этой великой книги, тамъ прочтешь, что съ такою-же необходимостью и я долженъ былъ ударить тебя!»

Итакъ, карательное право находитъ обоснованіе со стороны и наказуемаго и наказуемаго. Но мы пойдемъ дальше. Если вспомнить историческія судьбы наказанія, если представить современную постановку вопроса, нужно признать и съ точки зрѣнія моральной и съ точки зрѣнія матеріальной наказывать — отнюдь не завидное право, которое государство присвоило и во чтобы то ни стало хотеть удержать за собой, а, напротивъ, — весьма тягостная обязанность, отъ выполненія которой оно не можетъ уклониться. «Если-бы было человѣческое общество», такъ говоритъ Биндингъ («Problem der Strafe», стр. 1—2): «гдѣ-бы каждый по собственному побужденію всегда почиталъ и поддерживалъ естественныя границы своей сферы свободы, въ этомъ платоническомъ царствѣ справедливости, для законо-

дателя было бы одной тяжелой обязанностью меньше. Ему бы осталось распределить миръ благъ, урегулировать между собою отношеніе возрастовъ, половъ, состояній и охранять такъ созданный порядокъ отъ вѣншихъ нарушеній и добросовѣстныхъ ошибокъ. Отъ меча правосудіе могло бы отказаться: оно не нашло бы враговъ. Мечта о вѣчномъ мирѣ осуществилась бы, но какою цѣною? Къ счастью или къ несчастью, человѣческому роду не дано этой райской невинности. Призванный къ дѣйствию, подпадаетъ онъ силѣ желаній и страстей, и въ то время какъ всѣ войны, самыя продолжительныя и кровавыя, проходятъ, раны заживаютъ, и на могилахъ павшихъ вырастаютъ лавры воспоминаній,—одна борьба длится безостановочно: борьба человечества съ наиболее страшнымъ непобѣдимымъ врагомъ: съ прорывающимися въ дѣлахъ страстями. Этотъ врагъ принудилъ правосудіе опоясаться оружіемъ уже при своемъ рожденіи и не прійдется ему никогда болѣе, насколько хватаетъ человѣческое предвидѣніе, выпустить изъ своихъ рукъ мечъ наказанія, перековать его въ плугъ и наслаждаться миромъ: въ этой области нѣтъ мира!»...

Мнѣ кажется, нельзя высказаться иначе, не рискуя соскользнуть съ почвы реальныхъ отношеній въ область мечтаній и грезъ, въ царство утопій. И дѣйствительно, изъ цѣлаго сонма упомянутыхъ мною теорій, трактующихъ о правѣ наказанія, только одна рѣшается отвергнуть его; и она предполагаетъ не существующій строй, а совсѣмъ иной, идеальный, который долженъ бы сложиться по замысламъ ея автора. Имя его—Робертъ Оуэнъ.

Было бы чрезвычайно интересно остановиться подольше на его смѣлыхъ титаническихъ планахъ, прослѣдить всю его систему, но я стѣсненъ предѣлами настоящей лекціи. Навѣрное, вы читали или прочтете, по крайней мѣрѣ, коротенькій очеркъ Н. А. Добролюбова: «Робертъ Оуэнъ и его попытки общественныхъ реформъ» (Полн. собр. соч., т. IV, стр. 24—64).

Робертъ Оуэнъ жилъ съ 1771 по 1858 годъ. Онъ рано окунулся въ житейскія волны: 9 лѣтъ мы застаемъ его за прилавкомъ, 18 лѣтъ — уже однимъ изъ устройствелей хлопчато-бумажной фабрики въ Нью-Ланаркѣ и ея управляющимъ, а еще черезъ 8 лѣтъ — ея владѣльцемъ. Необыкновенно способный,

трудолюбивый и честный, съ юнаго возраста и словомъ и дѣломъ служить онъ благу человѣчества, 87 лѣтнимъ старцемъ хранить ту же юношескую энергію и безпредѣльную вѣру въ человѣка. Когда Оуэнъ вступилъ въ управленіе фабрикой, она была въ незавидномъ состояніи: ничтожный доходъ вельдствие плохого качества вырабатываемыхъ продуктовъ, которое въ свою очередь объяснялось отвратительнымъ составомъ рабочихъ, какъ на всѣхъ тогдашнихъ и слишкомъ многихъ нынѣшнихъ фабрикахъ: полная необеспеченность, даже нищета, стремленіе къ бродяжеству, пьянству, ко всевозможнымъ порокамъ и преступеньямъ, — вотъ характерныя черты ихъ быта. Новый хозяинъ дѣятельно принялся за реформы. Въмѣсто прежняго враждебнаго отношенія между работодателемъ и наемниками выдвигается идея солидарности ихъ интересовъ. Эта идея имѣла огромное значеніе матеріальное и моральное: она привела Оуэна къ сознанию необходимости улучшить бытъ рабочихъ, а для того совершенно измѣнить систему управленія, измѣнить въ духѣ социализма. Съ осуществленіемъ этихъ начинаній, отношеніе фабричныхъ къ работѣ стало неизмѣримо добросовѣстнѣй и усерднѣй, работа — гораздо болѣе производительной, дѣло достигло цвѣтущаго состоянія. Но Оуэну слишкомъ тѣсно въ его Нью-Ланаркѣ; онъ оставляетъ свою колонію, чтобы расширить кругъ дѣятельности сначала на всю свою родину, а затѣмъ на другія страны Западной Европы и Америки. Яростныхъ противниковъ, особенно среди духовенства, встрѣтили его завѣтныя идеи; болѣе 40 лѣтъ борется онъ за нихъ; на эту борьбу кладетъ всѣ свои капиталы, всѣ свои силы, всю жизнь, но мечты его разбиваются о суровую дѣйствительность: люди не созрѣли до ихъ осуществленія, почва совсѣмъ не подготовлена для ихъ воспріятія. Изслѣдованіе причинъ, помѣшавшихъ Оуэну, пересоздать весь міръ на образецъ Нью-Ланарка отвлекло-бы насъ слишкомъ далеко. Обратимся къ его теоретическимъ воззрѣніямъ на сущность преступления и наказанія, изложеннымъ въ 2 большихъ трудахъ: 1) «New views of Society, or essays upon the formation of human character» 1812 г., 2) «The book of the new moral world». Основанія его системы слѣдующія: 1) человекъ — не простое, а сложное существо съ характеромъ, опредѣляемымъ отчасти прирожденными способностями, отчасти внѣшними вліяніями, всю жизнь воздѣйствующими на человека;

2) его чувства и убѣжденія не зависятъ отъ его воли; 3) они сами вырабатываютъ ее, она же побуждаетъ лицо къ дѣйствию, выбирая и способы послѣдняго; 4) нѣтъ двухъ людей, отъ природы совершенно сходнаго, склада, и ни одно искусство не въ силахъ создать такое полное сходство; 5) тѣмъ не менѣе, подъ влiяніемъ различныхъ внѣшнихъ условій каждый нормальный ребенокъ можетъ развиться или въ существо совершеннѣйшее или въ совершенно негодное. Такимъ образомъ, во всемъ человѣкѣ нѣтъ ничего, выработаннаго имъ самостоятельно, ничего, за что-бы можно было хвалить его или порицать, награждать или наказывать. «Мы рѣшаемся», говоритъ Оуэнъ («Das Buch der neuen moralischen Welt», гл. VII, отд. IV): «признать открыто невинность и безответственность человѣка, невѣжество и несправедливость общества, подвергающаго его своимъ карамъ только за то, что онъ былъ такимъ и есть таковъ лишь потому, что природа и общество сдѣлали его такимъ, а не инымъ. «Выходить», замѣчаетъ относительно такихъ взглядовъ человѣкъ, стоящій внѣ лагерь криминалистовъ и выше подозрѣнія въ обвинительныхъ тенденціяхъ,—Достоевскій («Дневникъ писателя», 1876 г., октябрь, стр. 251): «что совсѣмъ дескать и нѣтъ преступленія, что преступленіе, видите-ли, есть только болѣзнь, происходящая отъ ненормальныхъ условій общества,—мысль до гениальности вѣрная въ иныхъ частныхъ примѣненіяхъ и въ извѣстныхъ разрядахъ явленій, но совершенно ошибочная въ примѣненіи къ цѣлому и обществу, ибо тутъ есть нѣкоторая черта, которую невозможно переступить, иначе пришлось-бы совершенно обезличить человѣка, отнять у него всякую самость и жизнь, приравнять его къ пушинкѣ, зависящей отъ перваго влiянія». Въ превосходной передачѣ Н. А. Неклюдова («Учебникъ Бернера», т. I, стр. 79—80): «Оуэнъ обращаясь къ обществу, говоритъ ему: терпи людей, которыхъ создало само ты; терпи злодѣевъ, которыхъ ты само образовало; терпи послѣдствія ихъ дикости, глупости и невѣжества,—они твои-же дѣти, исчадіе твоего же социальнаго устройства; ты само-же, своимъ бытомъ, подстрекаешь, возбуждаешь, поддерживаешь, питаешь преступленія,—съ какимъ-же правомъ претендуешь ты на нихъ, когда ты само—вина и источникъ всякаго зла? Итакъ терпи-жь, хоть ты и страдаешь, или если ты хочешь быть честнымъ и добросовѣстнымъ, казни не ихъ,

а самого себя». Во избѣжаніе такого самобичеванія, государству рекомендуется, отказаться вовсе отъ карательной дѣятельности, замѣнивъ ее цѣликомъ предупредительною; эта замѣна заключаетъ въ себѣ коренное преобразование всего государственнаго строя на началахъ социализма. Тогда въ сійніи всеобщаго добра исчезнутъ дурные характеры, и вся карательная система сдѣлается излишней. Однако пока осуществляются мечты великаго филантропа-утописта, какъ и чѣмъ можетъ общество охранять себя отъ преступленій, парализовать вредные результаты дѣятельности людей, превращенныхъ Оуэнъ въ бездушныя пѣшки, переставляемые невѣдомой рукой? Оуэнъ умалчиваетъ, но за него отвѣчаютъ факты. Даже на Нью-Ланаркской фабрикѣ, гдѣ ему удалось достигъ наилучшихъ результатовъ, и тамъ, по собственному его признанію, нельзя было обойтись безъ принудительныхъ мѣръ. Правда, за первые 16 лѣтъ управленія колоній, тамъ почти вовсе не примѣнялись наказанія, дѣйствовавшія тогда въ Англіи. вмѣсто нихъ прибѣгали къ денежнымъ взысканьямъ, убѣжденію товарищей, вмѣненію въ безчестье и относительно наиболѣе безпокойныхъ и порочныхъ—къ удаленію изъ колоній. Но что такое эти мѣры? денежные штрафы, лишеніе и умаленіе чести?—да, вѣдь, все это цѣликомъ взято изъ арсенала уголовного права! что такое удаленіе изъ колоній? во что-бы оно выродилось, если-бы ея система распространилась на весь свѣтъ? куда-бы и какъ бы удалили мы своего порочнаго сочлена?... Когда развѣется легкая дымка золотыхъ иллюзій, мы опять встрѣтимся лицомъ въ лицу, если не съ самой смертной казнью, то съ ссылкой или пожизненнымъ заточеніемъ, т. е. съ тѣгчайшими изъ всѣхъ современныхъ каръ. Въ чемъ же дѣло? отвергаетъ-ли нью-ланаркская система принципъ наказанія, или-же только извѣстныя формы его, которыя и самый убѣжденный криминалистъ признаетъ измѣнчивыми и преходящими? Чего-же достигъ Оуэнъ? Его безпримѣрная дѣятельность, вся жизнь, исполненная мирныхъ гражданскихъ подвиговъ не прошла напрасно, оставила глубокіе слѣды въ социальныхъ реформахъ, предпринятыхъ въ указанномъ имъ на правленіи. Но и «святому отцу», какъ называетъ его одинъ изъ героевъ Чернышевскаго («Что дѣлать?») не удалось доказать устранимость преступленія и наказанія, не удалось освободить человѣчество отъ печальной обязанности наказывать.

Такъ соблазнительно, такъ хотѣлось-бы провести параллель между воззрѣніями на карательное право Роберта Оуэна и Льва Толстого, но я исчерпалъ положенное количество времени и вашего вниманія. Скажу вкратцѣ. Одинъ изъ величайшихъ сыновъ Англіи и не менѣ великій писатель земли Русской, исходя изъ того-же положенія, что личныя вліянія стусеиваются въ творческой роли массы, что личная отвѣтственность расплывается въ дисгармоніи, въ вопіющей несправедливости господствующихъ общественныхъ отношеній, ища спасенія: Оуэнъ — въ социализмѣ, Толстой — въ мирномъ, пассивномъ анархизмѣ, оба мыслителя безусловно отвергли право государства наказывать преступниковъ. Левъ Толстой въ своемъ «Воскресеніи» на мрачномъ фонѣ существующаго строя яркими красками изобразилъ карательную дѣятельность государства, какъ издѣвательство библейскаго чудовища Левіаана надъ безпомощной человѣческой личностью, какъ узурпацію Божественной власти воздаянія, какъ жалкую попытку людей въ земномъ правосудіи создать подобіе суда небснаго, не желая видѣть, что ихъ собственное несовершенство приводитъ лишь къ извращенію Божественныхъ завѣтовъ. «Не судите, да не судимы будете!» съ новой силой пронеслось надъ міромъ въ вдохновенномъ призывномъ аккордѣ устроить жизнь по Христу. Но въ эти великія слова съ новою силою влагается также и новый смыслъ: 19 вѣковъ назадъ они были обращены не къ массѣ, сплоченной въ государство, а къ людямъ въ отдѣльности, не судъ имѣли въ виду, а свойственные людямъ пересуды житейскіе, личные, пристрастные (Матѣ., VII, 1—5). «И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата своего, а бревно въ твоемъ не чувствуешь», поясняетъ Христосъ (ibidem). Онъ-же высказывается противъ самозванства въ отправленіи судебныхъ функцій, отклоняя отъ себя разборъ дѣлъ, подлежащихъ суду, со словами: «кто поставилъ меня судить или дѣлить васъ?» (Лука, XII, 14). Но судъ, какъ таковой, какъ выраженіе авторитета высшей власти, здѣсь еще не отрицается. Въ другихъ текстахъ онъ признается положительно: «всякій гнѣвающій на брата своего напрасно», гласитъ Евангеліе (Матѣ., V, 22): «подлежитъ суду»; здѣсь, конечно, можно видѣть лишь фигуральное выраженіе, но далѣе въ томъ-же Евангеліи (Матѣ. XVIII, 17) въ совершенно ясныхъ словахъ (Толстой не внесъ ихъ въ свое «Краткое изложеніе Евангелія» 1900 г.)

устанавливается судъ общества, объединеннаго признаніемъ однихъ и тѣхъ-же началахъ: церковь призывается разрѣшать разногласія между христіанами; не подчинившійся ея суду извергается изъ общенія, «яко язычникъ и мытарь». Възвѣситъ значеніе этой мѣры нетрудно: представьте себѣ, что всѣ ваши друзья объявятъ вамъ, что они прекращаютъ съ вами прежнія сердечныя, близкія отношенія, и отнынѣ вы становитесь для нихъ совершенно чужимъ человѣкомъ. Очевидно, это — самое сильное изъ всѣхъ средствъ воздѣйствія, которыми располагаетъ общество, стоящее вѣтъ государства. Въ евангельской мѣрѣ, несмотря на всю ея мягкость, заложены всѣ отмѣченные нами основные элементы наказанія, именно: 1) принужденіе, такъ какъ исключеніе является актомъ, противнымъ волѣ исключаемаго, 2) порицаніе церковью его поступка и 3) страданіе его самого вслѣдствіе разрыва отношеній, проникающихъ всю жизнь христіанина. Итакъ, въ принципѣ наказаніе Евангеліемъ не отвергается. Разумѣется, проведеніе его въ государственной жизни отличается отъ евангельскаго отношенія къ виновному на столько-же, насколько различны задачи и условія дѣятельности государства и церкви. Христіанская мораль, въ отличіе отъ моисеева права, созданнаго суровою жизнью и непосредственно къ ней приспособленнаго, рисуется лишь идеалы, къ которымъ всѣ должны стремиться, но которыхъ никто не достигнетъ. Путь примиренія ихъ съ дѣйствительностью указанъ самимъ Христомъ. Непротивленіе злему, какъ говоритъ православная церковь, или злу, какъ утверждаетъ Толстой (Матѣ., V, 39), имѣетъ свои границы: торгующіе въ храмѣ изгоняются кнутомъ (Іоаннъ, II, 15). Выставивъ цѣломудренное безбрачіе, какъ совершеннѣйшее состояніе, Христосъ присовокупляетъ: «могій вмѣстити да вмѣститъ» (Матѣ., XIX, 12); наряду съ возведеніемъ безбрачія признается также святость и нерушимость брака: «еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ» (Матѣ., XIX, 6); такъ благословляется и бракъ въ Канѣ Галлелейской (Іоаннъ, II, ст. 1—11). Очертивъ нравственныя обязанности людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, долженствующія обосновать царство любви и свободы, Христосъ самъ противопоставилъ его земному порядку и не отвергая послѣдняго, позаботился установить между ними границу, провозгласивъ: «царство мое не отъ міра сего» (Іоаннъ, XVIII, 36); воздадите убо Кесарева

Кесареви, а Божія—Богови» (Матѣ. XXII, 21). Этому положенію слѣдуетъ и наука уголовного права. Не вторгаясь въ урегулированіе отношеній человѣка къ Богу, охраняя лишь порядокъ, установленный между людьми, она строго различаетъ области грѣховнаго и преступнаго. И самыя начала, на которыхъ строится борьба съ грѣхомъ и преступленьемъ, различны. Внимая голосу ветхозавѣтнаго Іеговы: «Мнѣ отищеніе и Азъ воздамъ», новѣйшее уголовное право, какъ вы изволите видѣть, отрекается отъ принципа воздаянія и замѣняетъ его принципомъ обезпеченія общества отъ преступленій. И если отрѣшиться отъ слащаваго сентиментализма, отъ той чувствительности, которая нерѣдко оказывается жестокой, съ точки зрѣнія истиннаго просвѣщеннаго человѣколюбія, можно смѣло утверждать: наука уголовного права, вскрывающая гнойныя язвы общественнаго организма, изслѣдующая ихъ ядъ и приискывающая соотвѣтственное противодіе, есть наука, гуманная по преимуществу. Конечно, земное правосудіе далеко отъ совершенства, оно и не считаетъ себя непогрѣшимымъ. Человѣческому разуму поставлены опредѣленные границы. Ошибки и заблужденія свойственны не одному правосудію; онѣ неизбежны въ медицинѣ и педагогикѣ, въ инженерномъ дѣлѣ и въ сельскомъ хозяйствѣ, во всехъ областяхъ проявленія человѣческаго духа, въ жизни влекутъ нерѣдко тяжелыя послѣдствія... Что-же дѣлать? по возможности, всеми силами избѣгать, свращать, смягчать ихъ, или-же, ища спасенія отъ нихъ, провозгласить сегодня: «не судите», а затѣмъ, будучи послѣдовательнымъ: «не лѣчите» и т. д.? мнѣ кажется, упразднить карательную дѣятельность, пока есть преступленія, такъ-же трудно, какъ отка-заться отъ лѣченія, пока есть болѣзни. Въ позднѣйшее время, по справедливому замѣчанію Н. А. Некрасова («Философія и логика науки» о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, 1903 г., стр. 92): «рядомъ съ мастерскимъ идеально-реальнымъ изображеніемъ массовой человѣческой жизни легко замѣтить у гр. Л. Н. Толстого отраженіе разныхъ ошибочныхъ посылокъ логическихъ схемъ, которыхъ онъ держался». Одна изъ этихъ ошибокъ состоитъ въ слишкомъ высокой оцѣнкѣ качествъ че-

ловѣческой души, въ оцѣнкѣ, по своей крайней отвлеченности рѣзко дисгармонирующей съ присущимъ Толстому реализмомъ. Эта оцѣнка опирается на евангельскій тезисъ: «царство Божіе внутри васъ» (Лука, XVII, 2), и Толстой не хочетъ видѣть, что въ дѣйствительности строгая внутренняя дисциплина, которую необходимо предполагаетъ царство Божіе, въ душѣ человѣческой до сихъ поръ еще только въ зародышѣ; при такомъ-же условіи принципъ непротивленія злу можетъ лишь привести къ необузданному господству зла. Въ высокохудожественной формѣ, во всеоружіи колоссальнаго таланта, со всею мощью страстной вѣры въ исповѣдуемыя идеи выдвинулъ Толстой вопросъ о правѣ наказанія; вопросъ преимущественно теоретическій облекъ онъ въ плоть и кровь, приковалъ къ нему всеобщее вниманіе и восхищеннымъ, поработаннымъ умамъ властно продиктовалъ свое рѣшеніе: «не судите!» Но въ какой средѣ, въ какой странѣ осуществимо оно не на словахъ лишь, а на дѣлѣ? Безспорно, среди тѣхъ, кто готовъ отнимающему кафтанъ отдать и рубашку, ударившему въ правую щеку, — подставить лѣвую. Гдѣ-же найдемъ такихъ людей? — въ царствѣ непротивленія злу, всеобщей самоотверженной любви. Но гдѣ-жъ оно? — «не отъ міра сего», и, мнѣ кажется, отъ насъ еще дальше, чѣмъ построенное на социалистическихъ началахъ идеальное общество Оуэна. Пусть даже на предначертанномъ *à priori* пути человѣчества лежитъ такой пунктъ, гдѣ все государственныя учрежденія станутъ излишни, гдѣ вмѣсто силы и хитрости высшимъ закономъ будетъ признанъ чистый разумъ. Но мы не знаемъ, черезъ сколько лѣтъ или черезъ сколько міриадъ лѣтъ эта блаженная пора наступитъ въ дѣйствительности. А жизнь не ждетъ, она грубо заявляетъ: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки!».. Что-же быть или не быть наказанію? Мы знаемъ, какъ рѣшается этотъ вопросъ въ наши дни, что ждетъ нашихъ потомковъ, — теряется во мракѣ грядущихъ временъ. Человѣческое знаніе ограничено тѣсными предѣлами, за ними начинается уже область вѣры. Не всемъ дано счастье вѣрить, что человѣкъ способенъ превратиться въ ангела, а въ жизни человѣкъ безъ страстей представляется ка-

кимъ-то духовнымъ кастратомъ; въ этихъ страстяхъ и добро и зло, въ нихъ прошлое, настоящее и будущее человечества; не веѣмъ дано вѣрить, чтобы оно могло когда-либо успокоиться въ сладкомъ забвеніи преступленія и наказанія; скажу больше: не хотѣлось-бы и мечтать объ этомъ; по мнѣ, въ такихъ мечтахъ кроется отрицаніе вѣчности прогресса: наказаніе можетъ исчезнуть лишь вмѣстѣ съ преступленіемъ, преступленіе — со столкновеніемъ интересовъ, такое столкновеніе—только вмѣстѣ съ поступательнымъ движеніемъ, а въ этомъ движеніи — вся жизнь!... Оно несетъ человечеству живительную свѣжесть и обновленіе, вырываетъ изъ застоя, спасаетъ отъ разложенія,— говоря словами поэта:

«Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ!»...

Наиболѣе существенныя изъ замѣченныхъ опечатокъ:

<i>Стр.</i>	<i>Напечатано :</i>	<i>Должно быть :</i>
2	практику	хронику
3	убѣрчься	уберечься
6	грекамъ	Грекамъ
7	западъ	Западъ
8	устанавливающихъ	устанавливающихъ
8	приведеніе	проведеніе
10	природы.	природы».
10	воздвигалось	воздвиглось
15	изданіе	издѣліе
17	таковыя	таковая
17	область	области
18	изолированіе	изолировать
18	среднѣвѣковыя	средневѣковыя
20	средства	средствъ
24	выдѣленіе	выдѣленія
24	авотомо	аватомо
25	Тонинарь	Топинарь
27	дѣвнѣяхъ	дѣтѣхъ
29	подъ	надъ
34	развивающій	развивающійся
37	изначало	изначала
43	началъхъ	началъ
44	«Философія и логика науки» о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности	«Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности»